

«КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ Я ХОТЕЛ УЙТИ ПОДАЛЬШЕ ОТ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ». ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЛИПАТОВА В ФОРМЕ ИНТЕРВЬЮ*

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни и пути в науке рассказывает Александр Владимирович Липатов (род. 1937), доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, академик Польской академии наук и искусств, член президиума Всемирной ассоциации полонистов. В 1957 г. А.В. Липатов поступил на филологический факультет МГУ, проучившись год, был рекомендован к продолжению учебы на факультете полонистики Варшавского университета, который окончил в 1962 г. со степенью магистра. После окончания аспирантуры МГУ он пришел в 1965 г. в Институт славяноведения, с которым связана вся его дальнейшая творческая жизнь. А.В. Липатов — полонист широкого профиля, в круг его научных интересов входят ключевые проблемы литературы, культуры, истории Польши, русско-польских литературных, культурных, общественных связей, взаимного восприятия русских и поляков. Особую известность получили его работы о польской литературе в эпохи барокко и Просвещения, в которых литературный процесс ставится в контекст широкого круга проблем истории шляхетской демократии Речи Посполитой. Не ограничиваясь полонистикой, А.В. Липатов занимался также проблемами теории литературы, социологии литературы, межславянских связей. Научную и редакторскую деятельность профессор А.В. Липатов на протяжении нескольких десятилетий сочетал с преподавательской — в РГГУ и польских университетах (в Торуне, Кракове и др.). А.В. Липатов рассказывает о своем детстве во время войны и в первые послевоенные годы, юности, учебе в Варшавском университете, работе в Институте славяноведения, о своих многочисленных поездках в Польшу в разные годы.

Ключевые слова

Институт славяноведения РАН, история польской литературы, новейшая история Польши, русско-польские связи, развитие гуманитарных наук в Польше

Статья поступила в редакцию 6 октября 2022 г.

Цитирование: *Липатов А.В.* «Как исследователь я хотел уйти подальше от современной политики». Воспоминания А.В. Липатова в форме интервью // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2022. Т. 17. № 3–4. С. 179–239. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.10>

* Беседовали и подготовили текст к публикации А. Стыкалин и В. Федорова. Беседы состоялись летом 2022 г.

“AS A RESEARCHER I WANTED TO GET AWAY FROM THE CONTEMPORARY POLITICS” ALEXANDER V. LIPATOV’S MEMOIRS IN INTERVIEW FORM

Abstract

At the request of the editors of the journal “The Slavic World in the Third Millennium”, Alexander Vladimirovich Lipatov (born 1937), Doctor of Philology, leading researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, academician of the Polish Academy of Sciences and Arts, and member of the Presidium of the World Association of Polonists, describes his life and path in science. In 1957, Lipatov entered the Faculty of Philology of Moscow State University, but after studying for a year, he was recommended to continue his studies at the Faculty of Polish Studies at Warsaw University, from which he graduated in 1962 with a doctoral degree. After completing his postgraduate studies at Moscow State University, in 1965 he came to the Institute of Slavic Studies, with which the rest of his creative life was connected. Lipatov is a Polonist with a wide range of interests: his scientific interests include the key problems of the literature, culture, and history of Poland; Russian-Polish literary, cultural, and social relations; and the mutual perception of Russians and Poles. His works on Polish literature of the Baroque and Enlightenment eras, in which the literary process is placed in the context of a wide range of problems in the history of the gentry democracy of the Commonwealth, gained particular fame. Not limited to Polonist studies, Lipatov also dealt with problems of literary theory, the sociology of literature, and inter-Slavic relations. The research and editorial activities of Professor A. V. Lipatov for several decades were combined with teaching at the Russian State Humanitarian University and Polish universities (Torun, Krakow, etc.). Lipatov discusses his childhood during the war and the first post-war years, his youth, his studies at Warsaw University, his work at the Institute of Slavic Studies, and his numerous trips to Poland over many years.

Keywords

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, history of Polish literature, recent history of Poland, Russian-Polish relations, development of the humanities in Poland

Received 6 October 2022.

How to cite: Lipatov, A.V., 2022. “Kak issledovatel’ ia khotel uiti podal’she ot sovremennoi politiki”. *Vospominaniia A.V. Lipatova v forme interv’iu* [“As a Researcher I Wanted to Get Away from the Contemporary Politics” A.V. Lipatov’s Memoirs in the Form of Interview]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 179–239. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.10>

А.С. Стыкалин. *Итак, Александр Владимирович, вы родились летом 1937 г. на Украине...*

А.В. Липатов. В Украине.

А. С. *В Украине, да. Тогда этот город назывался Днепропетровск.*

А. Л. Ну, если верить паспорту, я родился действительно в Днепропетровске, а в реальности в Запорожье. Но оформили все это в соседнем Днепропетровске, там были родители прописаны.

А. С. *А кто были ваши родители?*

А. Л. Журналисты.

А. С. *Сохранились какие-то воспоминания от раннего детства? Все-таки вам было 4 года, когда началась война. Что-то помните?*

А. Л. Помню.

А. С. *Оккупацию?*

А. Л. Нет, слава Богу, в оккупации я не оказался, мы с родителями уехали последним поездом, товарняком. Как нам говорили — последним для гражданских лиц.

А. С. *Это, наверно, был июль 41-го. Вскоре после начала войны...*

А. Л. Да. Думаю, что нам просто посчастливилось. Нас тогда уже бомбили. Хорошо помню — голубое небо в Запорожье, и ни одного нашего самолета, немцы спокойно делали все, что хотели. Выбирали цели и бросали бомбы — там, где им было нужно. Вот это я очень хорошо помню. Помню, как меня не могли затащить в бомбоубежище — потому что меня интересовало, когда и куда они бросали бомбы. Помню и другое: мы взяли с собой какие-то вещи, и когда мы добрались до станции, нам сказали — только один чемодан можно брать с собой. И вот товарняк тронулся, и весь перрон был уставлен вещами.

А. С. *А какая-то паника была? Много народу, большой город... Что-то осталось в памяти?*

А. Л. Этого я не помню. Помню другое — как 22 июня мы возвращались с матерью от кого-то. Было довольно рано. И все люди собирались кучками у приемников. Ваше поколение уже не застало: были приемники на уличных столбах. И я все спрашивал у родителей — а что, а как?

А. С. *Ну да, что происходит...*

А. Л. А люди шикали. И мы пошли, мать тогда так и не поняла, в чем дело. И только когда мы добрались до дома, дедушка с бабушкой сказали: война. А когда мы уезжали поездом из города, перед нами ехал... некоторые вещи до сих пор не могу спокойно вспоминать... Я видел то, что дети не должны видеть. Перед нами разбомбили поезд с детьми, ехали дети из детских садилов, без родителей. А был приказ — не знаю, насколько

он глупый — поезд должен был останавливаться, и все выходили в степь, в голые украинские степи. Ну все и вышли. И их всех скосили пулеметом. Мы это видели. А мы чудом спаслись, потому что наш машинист, умный мужик — он не подчинился этому приказу. Прежде чем сбросить бомбу, самолет должен сделать круг и зайти с тыла. И вот когда он уже заходит с тыла, то видит цель и бросает бомбы. А перед этим останавливается. А по эшелону передали — не выходить, никому не выходить. И вот когда уже самолет заходил с тыла, поезд на бешеной скорости мчался вперед. И бомбы рвались черт знает где. Самолеты не могли нацелиться на нас. И вот мы доехали до какой-то станции, видел, как люди бросились... Помню, там были какие-то цветочки. Я видел то, что не должен был видеть. Все было залито кровью. И позже я тоже видел всякие ужасы войны. Поэтому у меня на старости лет уже нет каких-то тормозов. Тогда я многого не понимал. А с возрастом стал переживать. Я понял, что мы чудом остались живы благодаря этому машинисту.

А. С. И куда вы с родителями прибыли в эвакуацию?

А. Л. Есть за Астраханью степь. Неживая природа.

А. С. Прямо в голом поле где-то?

А. Л. Нет, там озеро Баскунчак, огромное соляное озеро. Которое описывал еще Дюма. Степь, как в Украине. И где-то почти на горизонте единственная гора. Не скалистая. Весной степь цветет, становится голубовато-серой, обычно там только полынь растет, а там росли тюльпаны. Я был сопляк, не мог, а все старшие ребята сами забирались на гору и приносили тюльпаны. Желтые, красные и белые. Дикие. И с тех пор тюльпаны — мои любимые цветы. Гора называлась Богдо, я много лет спустя прочитал, как все это описывал Дюма, видевший нечто похожее. Почему нас эвакуировали именно туда? Помог по своей линии мой дедушка, он был шахтер, горняк. Станция, где мы жили, называлась Баскунчак Нижний, а был еще Верхний Баскунчак, три-четыре километра от нас, рядышком, это громадная узловая станция, через которую все шло в Сталинград. Это же близко. Сорок второй год. Ужас, что там творилось, сколько наших ребят погибло. У меня до сих пор сохранилась ленточка. Один моряк мне подарил. Мать работала в госпитале в школе, а мест не хватало. И распределяли всех по домам. Помню, был рядом с нами один морячок, который и подарил мне эту ленточку. Помню еще, как людей привозили хоронить к нам. Молодые ребята. Этот ужас остался в памяти на всю жизнь.

А. С. Вы были совсем маленький, но слышали, что говорили родители. Про Сталинградскую битву. Там же шли бои какие!

А. Л. В моей памяти Сталинградская битва — это трупы и кровь в нашем поселке. Ни у кого не было уверенности, не знали, что еще может случиться. Представьте, Баскунчак был соляным озером общесоюзного

значения. Бомбы рвались и совсем рядом с нами. Как правило, ночью. Может быть, немцы путали какие-то объекты, должны были бомбить что-то другое, а бомбы падали к нам, рядом с нашим поселком. Слава Богу, тоже как-то пережили. Утром после бомбежек ребята, что постарше, рвались туда, куда падали бомбы, и всё уже знали. Мне запомнились еще и парашюты, их приносили ребята, срезали. Красивый голубой цвет.

Наверху, наверно, не было уверенности, не пойдут ли немцы дальше. И нас эвакуировали глубже. На Урал. Недалеко от Березников, на берегу Камы. Это тоже было связано с работой дедушки.

А. С. Пермский край.

А. Л. Я помню свои впечатления после Украины и после Баскунчака. Леса, дивные леса и река Кама. Добротные деревянные бревенчатые дома, на сваях. А мы сначала не поняли, почему на сваях — а вот, весна придет, нам говорят, увидите. Весной река Кама все это заливала. И это была настоящая Венеция. Люди в поселке плавали на лодках друг к другу. А все дома были на сваях. Помню гостеприимство местных, а мы были не единственными эвакуированными, там были люди и из других частей СССР. Я впервые там увидел людей более смуглых. Они отличались от тех, что я видел раньше — от русских, украинцев. Это не были славяне. Мне объясняли потом, что там были люди из Молдавии, много евреев было, с юга России.

А. С. И сколько времени были в эвакуации? Когда вернулись домой?

А. Л. О, это был очень долгий путь. Отец был на фронте, естественно, мать в госпитале работала. Хорошо помню еще, как нас перевезли в город Астрахань. Дедушку назад в Украину не могли вернуть, там еще шли бои. Его направили преподавать в техникуме соляной промышленности, эвакуированном из Ленинграда в Астрахань — ведь оттуда Баскунчак был недалеко. Большой город, мы жили в татарском районе, и первые впечатления — напротив нашего дома мечеть. И вот рано утром татары пели свои молитвы вместе с восходом солнца. А дети, с которыми я там общался, — в основном это были татарские дети. Я был поражен, как они переходили с языка на язык. Между собой и с родителями они общались на своем родном языке. А когда оставались с нами, переходили на чистейший русский. Я даже не почувствовал акцента.

Но запомнилось и другое. К матери пришли люди. Четыре-пять человек, взрослые. Оборванные, но веселые, шутят. Местные не шутили, жизнь была очень трудная, полуголодная. И говорили эти люди как-то не так, как-то странно, с сильным акцентом. Когда они уже ушли, я спросил мать, почему они говорят так, как маленькие дети, которые еще только учатся говорить. А это были взрослые, ровесники матери. Такова была моя первая встреча с поляками. Наверное, эвакуированными в 1939 году. Русский язык освоили только на бытовом уровне. А мне казалось: говорят как дети, подбирают слова.

Вообще было много ярких впечатлений — как я познавал Россию. Вот Россия уральская. Другие условия, обычаи, другая культура, другая кухня. Кстати, такого голода на Каме я не помню, потому что там была «картойя», как они говорили, своя картошка, и они пекли шанги — лепешки из картофеля, заворачивали — и в печь. И вот они, гостеприимные люди, нас, бедных, изголодавшихся эвакуированных, угощали этими шангами. Для меня это был как шоколад, который я много-много лет спустя впервые увидел и попробовал. Такое запоминается на всю жизнь. Конечно, ужас войны и туда доходил. По утрам периодически дикий нечеловеческий рев, крик, не знаю, как это можно назвать. И я спрашивал мать, что это такое? Похоронка пришла.

А. С. Похоронки приходили очень долго, на тех, кто погиб под Берлином, приходили, когда война уже закончилась.

А. Л. Вот так мы жили, и так я познавал Россию, многонациональную, поликультурную. В Астрахани мы жили в двухэтажном домике, помню двор и еще какую-то пристройку. Студенты жили там же, где были «аудитории», большие комнаты, где проходили занятия. И таким образом я познакомился с этими студентами, которые были разных национальностей, и они играли со мной, мальчонкой, я был любопытный, как все дети, и был там не единственный ребенок. Так что я через этих ребят познал людей разных национальностей с разных концов России, из разной социальной среды, что очень важно. Я с детства воспринимал свою страну как поликультурную. И воспитывался с уважением к любой национальности и религии. Знаете ведь, какая антицерковная пропаганда велась. А мои дореволюционной выучки дедушка с бабушкой учили — веру нужно уважать. Можешь сам не верить, но уважай. И у меня с ранних лет сложилось уважительное отношение и к христианам, и к мусульманам. Вот наступил период, когда вновь открывались церкви. 1943 год. На моих глазах открывали церкви в Астрахани. Я, как сейчас, помню: недалеко от нас была большая церковь в византийском стиле. И появились священники в своих одеяниях. И все детишки местные знали, подбегали — здравствуйте, батюшка! Для меня это была абсолютная новость. Конечно, из Запорожья я уезжал совсем сопляком, мало что помнил, а на Каме, где мы жили, не было никакой церкви, а если когда-то и была, то ее, конечно, закрыли. А тут вдруг батюшка, уважение детей к нему. Православная культура сохранилась. Интересно, что мусульманскую мечеть открыли раньше.

А. С. Кстати, меня удивило, что в Астрахани в 1943 г. была разрешена действующая мечеть.

А. Л. Может, была и не одна. Но та была напротив моего дома. И это было для меня столкновением с новой культурой. Я видел разные праздники, видел, как по утрам в мечеть шли мужчины с мальчиками, с ковриками под мышкой; женщины тоже шли, но отдельно, в другое время. Я стал по-

нимать, что есть различие между религиями, видел привязанность в детском возрасте к другой религии. Я еще православия не знал. И вот мое первое столкновение с православием произошло в Астрахани, потому что там недалеко от нас была вот эта византийская церковь, в которой вновь начались службы. И помню Пасху. Тогда я и узнал, что есть такой праздник. А ведь Библия долгое время была фактически под запретом. И я многое стал узнавать благодаря моей бабушке, она мне рассказывала то, что знала сама, давала элементарные сведения из Ветхого и Нового Завета. Помню, там была соседская девчонка двенадцатилетняя, которая тоже была просвещена родителями, вот она собрала нас, соплячков, и повела в церковь. Это было мое первое посещение церкви. Еще неосознанно. Я помню, как я прикладывался к иконе, целуя, потому что все, и дети, и эта девчонка делали то же самое. Помню эти первые распятия, иконы. Вот такими были мое первое посещение, приобщение к православной культуре. А война продолжалась...

И вот после прорыва блокады ленинградский техникум решено было вернуть в Ленинград, был специальный эшелон. Студенты, которые пока не подлежали призыву в силу возраста, допризывники. Дедушка был штатным преподавателем и поехал с техникумом. И мы с мамой — отец на фронте. Помню товарные вагоны, совсем не помню пассажирских, сплошь и на станциях только товарные, люди в товарных поездах. Одно из ярких впечатлений: на какой-то станции напротив нас остановился товарный поезд, говорили, что с заключенными, и вот из зарешеченного окошка без стекол на меня смотрит женщина совершенно необыкновенной красоты. Насколько я мог тогда еще разобраться в женской красоте.

Помню еще, в другом поезде везли платформы с койками, складными койками, прямо с завода, видимо. И вот цыгане, а я впервые тогда цыган увидел, залезли и начали стужать эти койки. Я не понял, в чем дело, позвал мать, дедушку. Что они делают? Поезд стоит, а эти черные, черноволосые люди, оглядываясь... Они воруют! И на весь вагон подняли крик, шум. И я кричал. Прибежали солдаты, комендантские, но цыгане уже убежали. А мне все говорят — ты получишь орден, спас койки для наших солдат! И я очень долго ждал, когда до меня наконец доберется орден за то, что я спас койки для наших солдат. И так мы доехали до Ленинграда.

Но я хочу вспомнить еще одну сцену из астраханской жизни. Мы жили на берегу канала, протянутого от Волги. Я вышел со двора, зима, холодный ветер. И вот вижу — идет колонна солдат, я издали увидел, что у них другой цвет шинели, не наши серые, а какие-то болотные. Чем ближе они приближались, тем отчетливее я видел — худющие, сгорбленные, истощенные. Немцы. А по бокам колонны два наших солдата с винтовками, я помню уже по студенческим годам — это были винтовки Мосина с трехгранным штыком. И вот солдат, который шел ближе ко мне, у него все лицо было исковеркано, голова немножко набок, то есть, видимо, он уже не годился

для строевой службы. А это был, как я уже сказал, татарский район Астрахани, и на некотором расстоянии от нашей улицы был татарский базар. И вот по этой улице к Татарке шли наши русские люди, русские женщины, их было довольно много, они несли то, что могли продать — домашний квас и что-то еще. И вот они этих страшных немцев бросились угощать, а солдат их отбросил. Вот это русская черта. Немыслимо! Я помню, когда мы ехали из Запорожья, какой был первый мой сон, страшный сон, когда мы чудом уцелели. Мне приснился немецкий летчик, который сажает самолет. Поезд стоит, а он входит в наш вагон и начинает зверствовать. Совсем не детский сон. И вдруг вот это. Вот эти русские женщины и русское православное отношение к страшным врагам. А война-то еще шла, и пропаганда была какая... Тут для меня был урок — вот эти русские женщины, сколько они пережили. Их разгонял прикладом солдат с искаженным лицом, видимо, пережил фронт. Буквально отбрасывал их, потому что у него к немцам было свое отношение. А они тем не менее возвращались и снова... бежали назад и опять. Помню те жалкие улыбки голодных немцев, которые брали от наших женщин эти приношения — квас там, какие-то мелочи съедобные. Это был урок для меня, урок русскости и урок нормального отношения к людям разных национальностей, которое есть в Евангелии — помните послание апостола Павла?

А. С. При том, что Библию вы могли изучить только гораздо позже. Взрослым, глубоко зрелым человеком.

А. Л. Конечно. Библию на русском языке я смог обрести лишь через десятилетия. А тогда — со слов бабушки. Но важен также опыт. Непосредственное соприкосновение с детьми и их родителями разных национальностей, начиная с Астрахани, где у меня был непосредственный контакт с татарами.

Хочу еще что-то сказать о своем дедушке. Кстати, он был в Германии, видел ее своими глазами.

А. С. В Веймарской?

А. Л. Нет, задолго до революции. Совсем юнцом он участвовал в событиях 1905 г. Он из Донбасса. На склоне лет он мне рассказывал: мы никаких Лениных, Сталиных, большевиков не знали вообще. Были эсеры, конституционные демократы, кто-то еще. Там, где он участвовал в событиях, наверное, была какая-то совместная революционная организация, где были люди разных партий. Потом все это, конечно, раздавили войска. Все горняки, шахтеры знали, что полиция собирает сведения о том, кто был на баррикадах. Есть списки, по которым людей должны были арестовывать. И в этих списках был мой дедушка. Арестовали, конечно, многих, кто попался еще во время восстания. Он рассказывал: мы не знали, как все это было организовано, но тех, кого должны были арестовать, какими-то путями отправляли небольшими группами, по два-три человека, за границу,

по поддельным документам. Через Польшу. Я запомнил, он говорил: меня и еще одного довели до станции Сарны. Я потом интересовался у поляков, что это за станция была и где она.

А. С. Ровненская область теперешней Украины. Это близко к тогдашней австрийской границе.

А. Л. Я знаю только со слов деда. В те годы на границе Российской и Германской империй было нечто похожее на то, что мы видели в позднее советское время — приграничная торговля. Местные крестьяне, с обеих сторон, могли получить документы, позволявшие заезжать в другую страну, торговать там. И вот какой-то крестьянин, белорус или русский, не имеет значения, их вез, а сверху сено, невероятное количество сена, то есть они лежали на самом дне телеги под сеном, и так он их в этих Сарнах или где-то еще перевез на немецкую сторону. И вот он около года там жил, причем получил какие-то партийные деньги, минимум средств, которые давали эмигрантам, чтоб продержались какое-то время в немецком городишке. Те, кто был рядом с ним тогда, были, конечно, много старше его, он сопляк среди них. Кругом чужие. И вот он вспоминал потом, какая невероятная тоска по родине его охватила. А как возвращались. Опять-таки — это Россия. Родители пошли к полицмейстеру, в Донбассе. Когда мне было 16 лет и я получил паспорт, этот город назывался Сталино.

А. С. Теперешний Донецк. А в то время Юзовка.

А. Л. Да, а изначально Хьюзовка. Потому что организовал это поселение англичанин Хьюз, и первые шахты были — его. И вот родители дедушки пошли к этому юзовскому полицмейстеру. Причем им заранее было известно, какая сумма нужна. Полицмейстер выписывал заграничные паспорта. Можно было получить такой паспорт на имя дедушки и переслать нормальной почтой за границу. И дедушка, таким образом, мог легально, с паспортом вернуться.

Дедушка был человек необыкновенно сильный, физически крепкий, бабушка мне рассказывала, что к нему, мальчишке, пристали как-то двое пьяных шахтеров на какой-то праздник, и он их избил. Наверно, не случайно попал и на баррикады. А шахты были для него своей стихией с самых юных лет.

Хочу сказать здесь о том, что теперь называется социальный лифт. Дедушка был из простой семьи, так же, как и бабушка. И вот благодаря своему уму, настойчивости, тому, что есть у человека от Бога и от родителей, он сдает экзамены, проходит все конкурсы в Горное училище в Александровске, это теперешнее Запорожье. По советским временам это можно приравнять к техникуму. Но благодаря своим способностям он стал, как у нас сейчас говорят, делать карьеру, пусть не сразу. Несмотря на свое социальное происхождение и при отсутствии инженерного диплома он стал со временем работать на инженерной должности во французско-бельгийской компании.

Дедушка и бабушка часто вспоминали старый Донбасс. Там была масса иностранцев. Позже, в советское время большевики проредили Донбасс с точки зрения национальной. Исчезли, например, все китайцы. В некоторых городах и шахтерских поселках были бедные китайские пригороды. Так называемый Шанхай, там была нищета. Исчезли при советской власти болгары, греки, ближе к войне — немцы. Среди них было немало специалистов в компании, где работал дедушка. Так что это была такая, можно сказать, международная компания. Были и поляки — из Царства Польского, из русской части Польши. Я потом этим специально интересовался. Они приезжали в Донбасс на заработки, потому что там не было никаких ограничений, а в польских землях были русские чиновники, они чинили всяческие препятствия, чтобы поляки не дай Боже не занимали какие-то посты и вообще делали карьеру. Поэтому масса поляков училась в русских университетах, они делали в России карьеру и хорошо зарабатывали. Не буду уже перечислять, сколько их вошло в нашу живопись, архитектуру, научную жизнь и так далее. Были, конечно, там на шахтах и русские, и украинцы. Но я помню, как дедушка и бабушка всю жизнь вспоминали про свою крепкую дружбу с двумя поляками, работавшими в той компании.

А. С. Все это, наверно, как-то повлияло на ваш будущий интерес к Польше.

А. Л. Наверно, это как-то все наслаивается. И вот произошла война, которую в Польше никогда не называют польско-русской и даже редко польско-советской, ее называют польско-большевистской. С большевиками воевали, а не с русскими.

А. С. 1920 год.

А. Л. В конце концов Советская Россия подписала Рижский договор с Польшей.

А. С. В 1921 году.

А. Л. И вот поляки, жившие на территории вскоре образованного Советского Союза, получили возможность возвращаться на родину. И друзья моего дедушки уехали, естественно. Все понимали, с обеих сторон, что корреспонденция может чем-то грозить. И так оборвались связи. Если бы я знал, как сложится моя дальнейшая судьба... И знал хотя бы их фамилии. Тогда я мог бы кого-то поискать. Мои бабушка и дедушка до конца жизни вспоминали этих своих друзей, этих двух поляков.

А. С. И вот конец войны. Вы с дедушкой, с мамой приезжаете в Ленинград.

А. Л. Для меня приезд в этот город стал потрясением. Война еще не кончилась. Зима 1944–1945 года. Но как преподаватель в техникуме дедушка чувствовал себя не на своем месте, привык работать на шахтах, любил горное дело. И вот в конце 1946 года он получает предложение

от горного треста. Война закончилась, страну надо восстанавливать. И вот в Новгородской области, близко от Ленинграда, открыли бурый уголь и начали разрабатывать. С нищеты. Донбасс разрушен. Все начиналось заново. И мы поехали, как говорят у шахтеров, не на добычу, а на добычу бурого угля. Поехали в эту Новгородскую область, это был небольшой районный город Боровичи. Местные его называли Боровичи, приезжие Боровичи. Как в Белоруссии, там еще сохранились такие старые русские названия. Вы знаете, что такое, условно говоря, так называемый 101-й километр — от Москвы или от Ленинграда. Туда ссылали и в царские времена, и в советские.

А. С. Причем часто именно политических ссылали.

А. Л. Как правило, политических. Поэтому город был, условно выражаясь, интеллигентский, там была масса интеллигенции. И старой, а даже если и советской, то это были люди, воспитанные старой интеллигенцией, следующие поколения. А сколько было сослано после ленинградского 1934 года!

А. С. Убийства Кирова.

А. Л. Да. Так что там был интеллигентский язык. У нас в школе...

А. С. Про школу мы еще не говорили, Александр Владимирович, вы ведь в школе стали учиться в эвакуации еще, в Астрахани?

А. Л. В Астрахани. Но из-за того, что мы переезжали, я пропускал. В общем, я пошел второй раз в первый класс. И я помню дивный русский язык, интеллигентский русский язык, именно в петербургском варианте, не в московском, с которым я позже столкнулся, а в петербургском. И даже интонация была совсем другая.

А. С. А 9 мая 1945 года помните? Какие-то впечатления остались, ну вот война закончилась. Взрослые, может, как-то реагировали. Да и вы уже были постарше все-таки, 8 лет.

А. Л. Дедушка пошел по городу со мной пройтись, посмотреть, как все это выглядело теперь. Снимали чехлы с Исаакия, с Адмиралтейства. И мы просто смотрели, как выглядит город 9 мая. И помню еще другое. Несколько недель или месяцев спустя там был процесс преступников, немецких преступников, которых приговорили к повешению. И по городу пошел слух, что их будут вешать на площади около Зимнего.

А. С. Дворцовая. Правда, тогда она по-другому называлась.

А. Л. Я и мои сверстники, а нам по 8–9 лет было тогда, мы уже самостоятельно колесили по огромному городу. Не было тогда, как сейчас, чтобы над нами тряслись. И мы Бог знает куда заходили, заезжали. И вот такой слух. И мы несколько раз туда заезжали, никаких виселиц там не было, но народ всё толпится.

А. С. Ждали.

А. Л. Да, а мы ждали нетерпеливо. Мы возвращались к себе и снова ехали туда, и только потом в «Вечернем Ленинграде», была такая газета, было сообщение с описанием того, как их вздернули. Но мы, сопляки, этого не видели, и слава Богу.

А. С. *Это было в другом месте.*

А. Л. Нет, там все было!¹ Просто не объявлялось заранее. Может, и хорошо, что мы этого не видели. Помню только, что однажды должен был открыться и открылся Музей обороны Ленинграда, который потом, после знаменитого «ленинградского дела»...

А. С. *Закрыли.*

А. Л. Кузнецова расстреляли, помните, да?

А. С. *А. Кузнецова, Н. Вознесенского. 1949–1950 годы. Вся ленинградская партийная верхушка была устранена, и в Москве люди, с ними связанные².*

А. Л. И вот мы с бабушкой сразу, конечно, поехали посмотреть Музей обороны Ленинграда. Это было старое какое-то, дореволюционное здание, громадина, не знаю, что там было до этого и до революции.

А. С. *Так называемый Соляной городок на Фонтанке. Много чего было.*

А. Л. Во всяком случае, мы туда прошли. Стоял американский бомбардировщик внутри. Представляете, какие это пространства были? Танки стояли, свои и трофейные. Но прежде чем туда войти, надо было пробираться, там все было уставлено — подвозили технику, трофейную и нашу. Музей был открыт, но не заполнен. Я помню этот разговор моей бабушки с немцем. Бабушка моя из знаменитого села Хортица. Запорожье, казачество. И там, как она рассказывала, было две Хортицы. Кроме украинской была в паре километров еще немецкая.

А. С. *Немецкие колонисты жили там.*

А. Л. Меннониты, со времен Екатерины. Была такая протестантская секта, переселившаяся в Российскую империю. Причем в той колонии даже консул был немецкий до Первой мировой войны. Товары все были из Германии, немецкие лавки. Немецкий патер вел занятия в школе.

А. С. *И поэтому бабушка знала немецкий.*

¹ Судебный процесс, о котором идет речь, состоялся в конце декабря 1945-го — начале января 1946 г. в Выборгском дворце культуры в Ленинграде. Восемь человек, приговоренных к высшей мере наказания, были повешены на одной из площадей Выборгской стороны.

² Согласно одной из версий, бытующих в отечественной историографии, фабрикация «ленинградского дела» явилась следствием соперничества двух группировок в окружении Сталина — группы во главе с Л. Берией и Г. Маленковым и «ленинградской группы» А. Жданова, Н. Вознесенского и А. Кузнецова. Смерть Жданова в августе 1948 г. ослабила позиции «ленинградской группы», чем воспользовались их конкуренты при нанесении удара.

А. Л. Неплохо знала. Более просвещенные русские и украинцы отдавали своих детей в немецкую школу: пусть учатся, осваивают язык, обычаи, заводят знакомства. Это вполне разрешалось. И бабушка там освоила немецкий язык. Правда, потом, когда она позже столкнулась в жизни с немцами, она поняла, что в Хортице у меннонитов был своеобразный немецкий язык, не канонический, близок к голландскому. В немецких землях вообще большие региональные языковые различия. И вот мы пришли в музей обороны Ленинграда, и бабушка заговорила с пленным немцем, который работал там грузчиком, а немцев специально привезли туда — смотрите вот. Немцы разгружали, потом завозили всю эту трофейную технику в музей. И я помню, бабушка говорит — интеллигентное лицо, поэтому я подошла к нему. Я тогда не понимал, что такое интеллигентное лицо. Ну немец и немец.

А. С. *И она разговорилась с ним.*

А. Л. Да. Мол, ожидали ли вы, чем все это кончится для вас. И зачем вы сюда пришли. Говорила спокойно. И у него был интеллигентский ответ — мы надеялись на короткую память русского человека.

А. С. *Интересный ответ.*

А. Л. Вот. Я не случайно вспомнил наших баб, которые отдавали всё немцам, хотя наш солдат их прикладом за это бил. Потом мы уехали в этот дивный город Боровичи. Опять-таки там была масса людей разных национальностей. Сосланные. Особенно много было поляков. Я уже осознавал к тому времени Россию, причем воспринимал людей и моих друзей не по национальному признаку. Я помню, что в Боровичах не было антисемитизма, так называемого бытового, столь распространенного в России и в Украине, особенно Западной. Ну, о Западной мы не говорим, я ее хуже знаю.

А. С. *Это интересно, вот мы провели беседу с Л.Я. Гибианским, он человек вашего поколения, учился в московской школе, и вспоминал, как даже там проявлялся антисемитизм поздних сталинских лет.*

А. Л. В Москве да, тем более в то время. Бывало в крупных городах. Но в Боровичах я этого не видел. Интеллигентский городок. Помню, еще в Боровичах — мы отличали полек. Мы, сопляки, считали их самыми красивыми девчонками. Вот это я помню до сих пор, и я тоже был влюблен в одну польку. И еще у них экзотические для нас имена были — Данута, Божена, такие нетипичные для русского уха имена.

Мой опыт с ранних лет учил меня нетерпимости к любого рода ксенофобии. Несколько лет назад на конференции с участием поляков в РГГУ я общался с одной молодой якуткой. Закройте глаза — у нее язык русской интеллигентки. Я говорю не просто о богатстве языка, но о самом произношении. Я не удержался, спросил: откуда? Она — нам же ссыльные пре-

подавали. И тут же о своем больном начала говорить, так что у меня до сих пор стыд. Перед началом конференции выходит из метро «Университет», надо было куда-то пройти, плохо ориентируется, спрашивает встречного мужчину, а он покрыл ее матом по поводу ее, извините, морды и всего прочего, специфически якутского. И это рядом с метро «Университет»! Это на самом деле вопрос об отношении к другим нациям в России, которая хочет сохранить себя, при том, что она страна многонациональная. А что касается Боровичей, там только воробьев местные почему-то называли «жидами», пардон за это слово. Не было слова «воробей», жид и жид. Особенно среди простых людей это было. Но расскажу и о другом. Мы, ребята, возвращались как-то гурьбой после занятий в школе, идем через палисадник, за которым типичная деревянная оградка, смотрим — там «красный обоз»³ остановился. Недалеко приемный пункт был. Мешки заштопанные, крестьяне в старых шинелях, в ватниках, лошаденки худые, еще дождь морсит, они ждут, пока подойдет их очередь. Потом эти же крестьяне приезжали за хлебом.

А. С. Сильный голод был в 1946–1947 гг. А Голодомор в Украине в начале 30-х годов ваши родные когда-то вспоминали?

А. Л. Это тесно связано еще с вопросом национальной памяти. Кто-то вспоминает об этом, а кто-то нет. Вот мы вернулись в Украину. Не в Запорожье, туда мы больше не возвращались. Приехали в Донбасс. Мне тогда было 14 лет. 1951 год. И школу я кончал в Донбассе. Я в те годы подружился с молодой девчонкой, «щира» украинка. А там была и русская школа, в этом небольшом шахтерском поселке, и украинская, всё по правилам, хотя наш поселок был совсем маленький, можно было минут за 10–15 пройти, и в эти школы приходили дети не столько из поселка, сколько из близлежащих деревень. А радиус — повсюду украинские деревни. В те времена там еще сохранялся быт, язык, культура, нравы — традиционные украинские. И вот нужно было выбирать: кто хотел, ходил в украинскую школу, кто хотел — в русскую. Это не значит, что все украинцы ходили только в украинскую школу. Вот эта моя симпатия ходила в украинскую школу, она была очень умная девочка, ей было лет 17–18, постарше меня. Помню, что много времени проводили вместе. Сидели до глубокой ночи, до первых звезд, на скамеечке у ее дома. У нее был великолепный русский язык, такая интеллигентная девчонка была. И в определенный момент она мне говорит — знаешь, Сашка, давай я буду говорить по-украински, а ты по-русски, ты ж по-украински понимаешь. А к тому времени я ж недавно только приехал, я не знал еще украинский.

А. С. Ну, Донбасс — там наверно больше по-русски говорят.

³ Обоз для сдачи крестьянами хлеба по твердым ценам на государственные ссыпные пункты.

А. Л. Нет, не надо, там был суржик. Там русские украинизировались довольно быстро. А украинцы русифицировались, и был суржик. И она великолепно говорила без акцента по-русски, интеллигентная семья все-таки была, местные. Причем мать — простая селянка была, украинская крестьянка, красивая статная женщина, а я чувствовал, что нравлюсь ей больше других ухажеров дочери. А отец окончил институт или техникум, но он был ИТР — инженерно-технический работник. И при том, что у нее был изумительный русский язык, она ходила в украинскую школу. Не будем набрасывать на те времена нынешние представления о русофобии и шовинизме. Этого тогда не было в Донбассе. Донбасс — это, с одной стороны, шахты, а с другой, благодатная земля. И мы, дети, трудились на колхозных полях, в основном осенью, когда собирался урожай. А деревни-то были чисто украинские с сохранением украинской культуры. И вот она мне говорит — давай, ты уже понимаешь по-украински все. Она ведь внутренне, прежде чем сказать по-русски, переводила себя, свои мысли с украинского языка на русский. Вот так и продолжался этот наш украинско-русский диалог. Это было изумительно. И вот в определенный момент она начала мне что-то рассказывать. А ведь мы помним, какое было время: дети могли по глупости своей передать вслух, что они слышали от родителей, а что за это грозило в те времена, можете себе представить. Отсюда и то двоемыслие в Советском Союзе, о котором пишут сейчас ученые. И вот эта умная девчонка стала рассказывать мне о том, как возникла ее семья как раз в те годы. Знала со слов родителей. Говорила, как люди (а среди них была и ее мать) пытались выбраться из деревни, окруженной красноармейцами, и матери это удалось. И она добралась до того поселка, где они потом жили. А те, кто работал на производстве, как мой дедушка, они имели особые пункты снабжения, там Голодомора не было, среди рабочих его не было. Это уничтожалось украинское село, уничтожалось крестьянство таким образом.

А. С. *Вы считаете, что именно украинское крестьянство уничтожалось целенаправленно?*

А. Л. Не я считаю, об этом уже много написано.

А. С. *Идет дискуссия...*

А. Л. Какая дискуссия? Документы есть! Сам Никита [Хрущев] в своих воспоминаниях пишет — у меня руки по локоть в крови.

А. С. *Это так, но он об этом пишет не применительно к Голодомору, поскольку в тот конкретный период он вообще работал главным образом в Москве. Он говорит о временах, когда в бытность партийным секретарем (и в Москве, и в Украине) подписывал расстрельные списки. Я говорю тут не о том, что Голодомора в Украине не было, а о том, что в начале 1930-х, после такой коллективизации, люди умирали от голода и в Поволжье, и на Северном Кавказе — среди казачества, и в Казахстане, всюду.*

А. Л. Да, но почему говорят об украинском Голодоморе? В Украине он же воспринимался как все, что пришло извне, было принесено властью, которая пришла извне. Армия была русскоязычная, отсюда такое отношение к России. Хотя те же русские наверняка пропустили бы эту девчонку, как пропустили ее мать. И много таких было. Я видел в свое время потрясающий документальный фильм. Украинцы же ведь наводнили русские города — те, которые прорвались. Опухшие, ужас! Это все документировалось, не знаю, по линии КГБ ли, но это документировалось.

А. С. *Справки для Сталина писали, для Политбюро и так далее. Давали информацию.*

А. Л. Вот фильм, основанный на кинохронике. А сколько осталось литературных свидетельств! Так вот что мне говорила та девчонка. Мать пробралась, дошла до поселка, встретила отца, они полюбили друг друга и так возникла их семья. Я что-то знал уже о том времени, родители мне что-то говорили, сами многое пережили, были свидетелями всего этого. Но я уже был просвещен, и хорошо, что я себя сдержал. Такое, если она узнает, то пусть только от родителей должна знать. И дело тут не в том, что я из России недавно приехал и вообще мой родной язык русский. Такие вещи даже детям родители боялись рассказывать. Из опасений. Но кому-то рассказывали. Тому, кого знали, кто соответствующим образом был воспитан, кому верили, вот как эта девчонка мне. Были случаи, когда не боялись, что дитя проговорится. Вот это то, что могу сказать о Голодоморе. Я сказал уже о красном обозе; есть вещи, которые запоминаются на всю жизнь. Были социалистические романы, которые в то время в школе проходили, о селе, которое поднималось после войны. Но я-то видел этот красный обоз. И видел, как потом эти же крестьяне приходили за хлебом в город, потому что все было по карточкам. А по карточкам — это тоже голод, второй голод, который я пережил. Я пережил два голода. Голод военный, настоящий. И послевоенный. И помню, как отменили карточки, а они ведь в какой-то степени обеспечивали этот минимум, так называемый прожиточный минимум. Это я тоже помню. Холодно, голодно, ветер пронизывающий, мы идем с матерью по улице. Карточек уже нет, повезет — купишь, не повезет — нет. И до сих пор помню очередь перед магазином продовольственным за хлебом. И мы становимся в эту длинную очередь. И с этой очередью доходим с матерью уже до середины зала. Появляется директор магазина, а у нас надежда какая-то, мы уже внутри магазина, уже видим, как продавщица хлеб нарезает, взвешивает, это была норма, не сколько хочешь берешь, а норма на человека, и я вижу, как это режут, слюнки у меня текут. И тут он объявляет громогласно — хлеб кончается. То, что осталось, — только для членов партии. Вот это я запомнил. Вот это «равенство». Это уже не «пиво только для членов профсоюза» в «12 стульях».

Так вот, возвращаясь к антисемитизму. В Боровичах среди нас был такой мальчонка, еврей, такой маленький, ярко выраженный. И хотя, как я

сказал, антисемитизма у нас не было, а жидами называли только воробьев, но было нечто другое. Я невысок, наше поколение было менее высоким, чем последующие. Но в своем классе я был одним из самых высоких, физкультурой занимался, был спортивным и сильным парнем. Умел драться, постоять за себя. И я принадлежал к такой как бы аристократии внутри нашего класса. И вот мы о чем-то спорим, не помню, о чем, и этот мальчонка, Давид, до сих пор помню, имя было экзотическое для нас, вдруг встрял и что-то вставил свое, что не совпадало с мнением того, который держал речь, вот среди этой нашей «аристократии». И тот ему бросил — а ты, жи-денек, молчи. А мы были как раз у этого обоза, там сидел старый человек в серой залатанной шинели, худющий, и он: вот ты сказал на мальчика вот так, а у вас иконы в доме есть? А это город был еще дореволюционный, из русских бревен, частные дома бревенчатые, избы, и мы там снимали комнату в одном из таких домов. И всюду были иконы. Но иконы — это старшее поколение, я помню, что в доме видел иконы, не в Ленинграде, а именно там, в Боровичах. — «Ну есть, — говорит, — ну и что». — «А родители ходят в церковь?» — «Нет». Понятно, это ведь поколение первых комсомольцев. — «А дедушка с бабушкой ходят?» — «Ходят». — «Так вот, на иконах-то вы видите Мать Божью? Так она была еврейкой. А Иисус Христос, раз он ее сын, был евреем». Не знаю, кто был этот человек. Может, батюшка деревенский, простой крестьянский священник. А может быть, он был выслан, может, был городским и более просвещенным, но там я это впервые услышал. И ребята задумались — а как это, икона с евреем. Вот это я помню, это была для меня первая лекция такого необычного явления, как простонародный филосемитизм. Так что Россия — страна очень разнообразная была и есть. Кстати, на шахтах в Боровичах работали даже корейцы, привозили гастарбайтеров из Северной Кореи. Хотя об этом запрещалось говорить и писать.

А. С. А почему ваша семья решила переехать в Донбасс?

А. Л. Эти шахты бурого угля вообще мало производительны, это малокалорийный уголь. Думаю, что дедушке было неинтересно там работать. Помню, он сам говорил, что в перспективе эти шахты закроют. И вот тогда мы вернулись в Донбасс. Дедушка нашел какие-то знакомства, связи, и мы переехали.

А. С. 5 марта 1953 года умер Сталин. Вы были старшеклассником. Что-то помните?

А. Л. Это я помню. Так вот дедушка с бабушкой из Боровичей поехали на свою историческую родину в Донбасс, а мать с вернувшимся после войны отцом работали в городе Дзауджикау, потом это был Орджоникидзе, а уже после перестройки вернули старое царское название Владикавказ, хотя оно резало ухо осетинам. Я жил там недолго. Как-то не прижился с родителями и вернулся к бабушке с дедушкой в их шахтерский поселок.

Но смерть Сталина помню. Действительно, было впечатление, что умер Бог. Помню, как сейчас, что рано утром мы еще лежали, отец лежал, я лежал еще в постели, а мать встала раньше всех. И услышала по радио.

А. С. Хотя надо сказать, что перед этим «Правда» изо дня в день сообщала, что он тяжело болен. То есть в принципе ничего неожиданного не было.

А. Л. Это так. Но я помню, мать заплакала, когда услышала по радио рано утром. Конечно, она была человеком своего поколения. Во что-то она верила, во что-то нет, но...

А. С. Люди не знали, что будет дальше...

А. Л. Там все было смешано. С одной стороны, она кончала советскую школу, там, в Украине, в Горловке, дедушка работал тогда на шахте, так что она видела, как по-настоящему люди живут. Так что там была какая-то смесь. К тому же война — она очень укрепила наше чувство патриотизма, привязанности к родине, очень. У меня это до сих пор. Кстати, вот «дети войны» (то есть мое поколение) иначе относятся ко многому. Вспоминаю, когда призывали в армию, мне 18 лет, и я уже был острижен наголо и был номер эшелона, куда я должен был идти с повесткой. И вдруг в самый последний момент приходит открыточка, что я остаюсь до особого распоряжения. А в это время как раз дедушка с бабушкой выходили на пенсию и собирались ехать к моим родителям на постоянное место жительства, а родители жили тогда в Крыму, в Симферополе, работали в газете. И я помню — еду из своего поселка в райцентр, Артемовск, Бахмут сейчас называется. Там речка, называется Бахмутка. А Артемовском называли в честь революционера позже, а сейчас прежнее название — Бахмут. И вот я еду в военкомат, до сих пор помню военкома — полковник Репин, я его прошу: возьмите меня в армию, переезжаем в Симферополь, лишние траты и билеты, а там ведь все равно призуют. А он мне: ну пойми, парень, парубок, он говорил так по-украински, пойми, мы план уже выполнили.

А. С. Уже начались хрущевские реформы по сокращению численности вооруженных сил. Лишних не призывали.

А. Л. Возможно. 1955 год. Мы приезжаем в Симферополь, школу перед этим кончил в Донбассе, хочу сразу же устроиться на завод. Подумал: попробую просто познать жизнь, мои университеты. Не берут, говорят: мы тебя сегодня возьмем, а завтра тебя в армию призуют. Тогда наше отношение к армии было другим, да и сама армия была другой. Тогда я прошу мать, а она ушлая была как журналистка: пойди к коменданту, поговори, чтобы меня взяли.

А. С. Вот я впервые слышу, чтобы кто-то упрашивал, чтобы его взяли в армию.

А. Л. Потому что вы — другое поколение. Я помню, вот в этих Боровичах был парень старше нас немножко, худющий, слабый. И вот он соорудил

дил себе турник, стал заниматься самостоятельно физкультурой, старался есть побольше, а что было тогда — только черный хлеб, картошка своя, с огорода. Чтоб как-то мускулы нарастить, боялся, что его в армию не возьмут. Другая психология была у ребят, переживших войну. У многих отцы не просто воевали, но не вернулись. В моей школе мало у кого были отцы, а в основном погибли. И было такое понятие — безотцовщина. Боже, как я жалею наших учительниц, потому что мы там такое выделявали, ведь отцов у большинства не было, отсюда и соответствующее поведение ребят. Нравы, обычаи и все прочее, мы были неуправляемы.

Короче, мать пошла и вернулась с тем же, с чем я вернулся от полковника Репина. Они тоже выполнили план. И, может, мне это пошло на пользу. С точки зрения познания жизни. Я поступил на авторемонтный завод, освоил специальность, рабочую среду я знал и раньше, по Донбассу. Как и крестьянскую среду. Мое поколение не знало слова «репетитор». По-моему, тогда этого не было и в Москве. Были другие представления. И другое воспитание — официальное, школьное, советское. Раз знаю больше — должен помогать. Я помню, ходил по селам, близлежащим, четыре-пять километров, и помогал своим однокашникам — русский язык и литература. И немецкий. У меня все очень легко шло. За этим стояли и воспитание, и интеллигентские Боровичи, и Ленинград. Я увлекался и историей. Массу книг читал, в том числе изданных до революции. Провинциальные библиотеки обладали богатейшим собранием дореволюционных изданий. Почему? — конфисковывали частные библиотеки. Я массу интересных вещей читал. И не в смысле антисоветских, просто иная интерпретация. То есть дореволюционные историки давали свою интерпретацию известных нам из школьных учебников событий. С точки зрения тогдашней веры, идеологии, как хотите. Конкретный пример. Беру в руки книгу, учебник для более старших классов. Там большой портрет Шамиля⁴ на всю страницу. И соответствующая интерпретация Шамиля и его движения. А для меня Шамиль и его время — это была прежде всего наша классическая литература: Толстой, Пушкин, Лермонтов. А я ведь недолго учился и в Северной Осетии, в нашем классе там было мало русских. Были осетины, грузины, ребята других народов. Горцы. Я был в их среде. Знал их отношение к Шамилю. К этому свободолюбивому движению. Мне разъясняли их обычаи. Я знал биографию Шамиля. Он был уважаем российскими властями, его сын окончил кадетский корпус...

А. С. Официальное отношение в СССР к Шамилю при Сталине менялось. Сначала он подавался властями и обслуживавшими их историками как герой, а через некоторое время как враг империи и британский либо турецкий шпион.

⁴ Шамиль (1797–1871) — предводитель кавказских горцев, лидер северокавказского национально-освободительного сопротивления, в 1834 г. признанный имамом Северокавказского имамата — теократического государства, в котором объединил горцев Западного Дагестана и Чечни. Национальный герой народов Северного Кавказа.

А. Л. Я к этому как раз подхожу. Беру через некоторое время в руки новый учебник, хочу что-то освежить в памяти. Листаю-листаю, портрета Шамиля нет и где-то кратко говорится, что он был турецкий агент. Изменились не просто оценки, а вся интерпретация. Тогда я понял, что историком становиться не хочу. Позже в этом решении укрепился. Тогдашний учебник истории для 10 класса. Ни больше ни меньше, академик Панкратова⁵. Я помню тот учебник до сих пор. И там написано, что такого-то дня в 1794 году Суворов взял восточную часть Варшавы⁶. Ну поставь ты эту точку! Нет — «и очень гуманно обошелся с жителями Праги». Это часть Варшавы.

А. С. Да, я понял, о какой Праге речь.

А. Л. А я еще в 4–5 классах читал в библиотеке дореволюционное издание для взрослых. Прошу библиотечаршу дать мне что-то о Суворове, и она дает. Помню до сих пор эту книгу. Твердая коленкоровая обложка голубого цвета с золотом. Откуда? Реквизировали частные библиотеки, а там была масса шикарных книг. Я прочитал эту монографию о Суворове, генералиссимусе, графе Рымникском, сопляком, хотя это был чуждый для меня стиль, никаких сказок. Но конкретное интересное изложение всех этих событий. И там было прямо написано, как он брал Прагу. Для меня это было еще одно раздвоение сознания. Уже тогда я знал о Костюшко, знал от родителей еще, а они, видимо, от этих поляков, друзей деда, про культ Костюшко. И знал что-то про советский культ его — революционер и борец за свободу, североамериканский генерал. Светоч в общем-то. И вот они с Суворовым оказываются по разные стороны. Вы ведь помните, что именно во время войны начинается реабилитация и прославление Суворова.

А. С. Орден Суворова ввели.

А. Л. И орден Кутузова. Более того, суворовские училища. Меня мать хотела отдать, кстати, в суворовское училище. Жизнь была бедная, а они там были...

А. С. На неплохом довольствии.

А. Л. И вот эта дореволюционная монография о Суворове. А Суворов и Кутузов для нас были светочи. Я до сих пор помню, как к нам в пионерлагерь приезжал какой-то деятель, музыкант что ли, военный. И у него рядом уже с советскими медалями, орденами был Георгиевский Крест. Уже можно было, ведь за боевые заслуги. И он мне объяснял, за что получил царский крест. И вот читаю про «пражскую резню» и про то, как один мой герой разбивает в пух и прах и берет в плен другого моего героя. Того, кто сражался за свободу. Костюшко. А против него Суворов. Два героя, и тот, и

⁵ Анна Михайловна Панкратова (1897–1957) была влиятельным официальным историком в 1950-е годы. Академик АН СССР. Член ЦК КПСС в 1952–1957 гг. Главный редактор журнала «Вопросы истории» (1953–1957).

⁶ Речь идет о событиях польского восстания 1794 г. во главе с Тадеушем Костюшко.

другой мне близки. И то, и то я понимаю. Там слава России. А нас воспитывали в таком патриотическом духе, что вполне естественно. Тем более после такой войны. И другой герой, который хотел свободы для своей родины. И вот тут начинается вот эта трещина. С одной стороны, идеальный образ литературы, а с другой стороны — жизнь совсем не такая. И этот неоднозначный мой герой... Детское военное поколение...

Все это пошло и дальше. Отсюда и мое желание увидеть все своими глазами. А я многое уже видел в детстве. Мы жили в небольших городках. Я был близок к жизни, к простым людям. Я видел, как жили на самом деле и что думали; вот вспоминаю, как собралась компания простых людей, подвыпили, и слышу: «самые лучшие люди сейчас в лагерях и тюрьмах». А мы-то там под столами крутились. Мне восемь-девять лет было. И я спрашиваю бабушку, дедушку — а почему? А почему самые лучшие? А наша библиотека во время этих пертурбаций военных погибла, большая интеллигентская библиотека, и вот она как бы воссоздавалась заново теперь, в послевоенные времена. Помню, бабушка как раз купила, до сих пор храню, собрание сочинений Некрасова. И там эта знаменитая «Железная дорога», помните, да? И там было — дедушка говорит: «А по бокам-то всё косточки русские, Сашенька, знаешь ли ты?». Это была другая Россия. А из учебников истории знаем о том, что первая железная дорога была построена в России. А как оно было? И бабушка в таких случаях, а это был не единственный случай, когда люди вот так проговаривались о том, что творится, всегда говорила: «вырастешь, Саша, узнаешь». Короче говоря, я хотел как-то все по-своему упорядочить в голове: а какова настоящая жизнь? Стал прозревать. С каким интересом читал трилогию Горького. И фильм был замечательный Марка Донского, который, как я узнал потом, сыграл немалую роль в становлении итальянского неореализма⁷. Почему после школы я пошел работать на завод, а потом в районную газету? Хотел узнать жизнь. На заводе увидел рабочий класс. А потом и крестьянство.

Еще в школе в Донбассе я стал писать в районную газету. А потом и в Крыму. Статейки, стишки. Пришел в газету: дайте задание. Написал, потом еще раз. Им понравилось, как я пишу. Со временем взяли в штат. Ведь мало было профессиональных журналистов, журналистика как специализация факультетов только начиналась, а в основном в газетах, тем более районных, сидели люди, которые ранее работали по партийной линии или в типографиях. Не все владели пером. И вот я ездил по колхозам, совхозам, добирался попутками, через горы, писал для газеты. Глубинка, сёла, причем многие были насильно переселены в Крым. Татар выселили в конце войны⁸, а кем заселять? Пустота. И он тогда был полупустой. Когда я

⁷ Трилогия М. Горького «Детство», «В людях» и «Мои университеты» была экранизирована кинорежиссером М.С. Донским (1901–1981) в 1938–1940 гг.

⁸ Депортация из Крыма коренного крымско-татарского населения (главным образом в Узбекистан) была проведена органами НКВД в мае 1944 г. Официально она обосно-

пешком добирался через горы в какой-то там колхоз, совхоз как журналист уже, я проходил через эти пустые деревни. И возникал вопрос: почему они пустые? Ваше поколение уже не знает писателя П. Павленко.

А. С. В Крыму, кстати говоря, жил как раз после войны.

А. Л. Лауреат Сталинской премии был. За повесть «Счастье»⁹. Про то, как русские уже переселенцы осваивали Крым, неизвестный для них виноградник, нужно опять было сажать виноград, ухаживать. И как они там с лопатами наперевес, как с ружьями, шли, в таком воинском стиле — это мне запомнилось. Ими руководил, естественно, бывший фронтовик. А почему они там оказались, в книге не говорилось. А у меня возникал вопрос, у сопляка. Я не мог тогда дать на него ответа. Спустя много лет, оказавшись снова в тех местах, выяснял, что и как, почему.

Вернусь к Суворову. Я тогда прочитал, еще мальчишкой, «Дон Жуана» Байрона. Перевод был полный, в том числе и фрагменты, не вошедшие в поэму. И вот там было описание того, как Суворов брал Измаил¹⁰, со всеми этими прелестями, идущими со времен Средневековья. Это было на слуху всей Западной Европы. Это старый средневековый обычай. Я вам отдаю город на три дня, берите, он ваш.

А. С. Что хотите, то и делайте: воруйте, грабьте.

А. Л. И вот у Байрона живописные воспоминания. Но читая Байрона, я вспоминал эту монографию русских ученых, которые точно все это описали со всеми прелестями. Точку не поставили, в отличие от Панкратовой. Но дали соответствующую информацию и интерпретацию — да, это делалось ради интересов России. Они не вралли. После этого я понял — никогда я в истории не пойду. После этих ранних детских впечатлений, стимулирующих мышление.

А. С. Некоторые люди вашей генерации, когда связанное со Сталиным стало приоткрываться, смотрели чуть иначе: мы знаем, как нам вралли. А теперь мы хотим разобраться, а что было в реальности. Было и так. Но давайте поговорим о том, как вы решили поступить на филфак МГУ.

А. Л. Был 1957 год. Из Симферополя в Москву ехал автобусом, проблемы были с железнодорожными билетами в летнее время. Приезжаю, вижу: колоссальный конкурс — насколько я помню, 28 человек на место. Мечта у меня была поступить на романо-германское отделение, меня интересовали немецкая философия и немецкая литература. В школе у меня был неплохой немецкий язык, но потом большой перерыв, языком я не занимался, было не до этого, и поэтому я в конце концов решил сдать на русское

вывалась фактами участия крымских татар в коллаборационистских формированиях, сотрудничестве с оккупационными германскими властями.

⁹ Роман П.А. Павленко (1899–1951) «Счастье» был опубликован в 1947 г.

¹⁰ В 1790 г. во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

отделение — родной язык, любимая литература. И помню, что было пять экзаменов, из них у меня было две четверки. Это граница — могу пройти, могу не пройти. Приезжаю со Стромынки, где жили и абитуриенты, на Моховую — там тогда был филфак. Уже был вывешен список принятых на русское отделение, читаю — меня там нет... Особо разочарован я не был, что ж: возвращаюсь, теперь уже точно иду в армию. А к этому времени в военкомате обо мне вспомнили, собирались призвать, даже мать вызывали, когда я уже был в Москве, угрожали. К армии я был готов. Начал думать уже об обратной дороге. И машинально читаю дальше, а дальше — классическое отделение, латынь, греческий и прочие прелести, романо-германское я даже читать не стал. И в самом конце славянское отделение, и там вдруг увидел свою фамилию. Смешанные чувства. Я не был темным парнишкой, отнюдь. Но я, во-первых, не знал, что существует славянское отделение, а во-вторых, славянское у меня ассоциировалось почему-то с изучением древнеславянского языка и всех прочих вот этих прелестей древних языковых. Вот думаю пойти в деканат: что это? Без меня меня женили. Но узнаю, что в тот же день будет встреча абитуриентов с профессорско-преподавательским составом. В Коммунистической аудитории.

А. С. Там журфак сейчас.

А. Л. И вот, сидим мы, рабы Божьи, в этом громадном зале, и выступают преподаватели отдельных кафедр, и в самом конце, конечно же, представитель славянского отделения. Рассказывает — оказывается, это современные славянские страны, языки, культуры, литературы. И набирают каждый год на то или иное славянское направление. И в этом году — на польское. Я говорил уже о своих более ранних встречах с поляками. И кстати, когда мы вернулись в Донбасс, среди моих знакомых, соседей было много украинцев, но были и люди польского происхождения. Были и те, кто уже и языка польского не знал, но упорно писал пятый пункт — «поляк». Ведь Украина, даже Восточная, это территория, исторически тесно связанная с Польшей. Я задумался, стал вспоминать все, что знаю про Польшу. А я упомянул уже, что в Крыму успел поработать в районной газете. И вот, как было заведено еще со сталинских времен, пришла моя очередь сидеть всю ночь в типографии перед сдачей газеты в печать и вычитывать все, что было набрано: нет ли ошибок. Уже не ручной набор был, телетайпы, работали хорошенькие девчоночки. Мне не было скучно. И вот ночь на праздник 1-е мая, как сейчас помню. Отоспался потом дома, прихожу к обеду на работу, как положено. Редактор, милый человек — а он очень ценил меня, тогда еще совсем соплика, за владение пером (а он был непрофессиональный журналист), и причем совсем без зависти — заводит меня, своего любимчика, в кабинет, смотрит на меня внимательно и с какой-то настороженностью. Дает газету, тыкает пальцем — читай. А там вместо передовой статьи были первомайские лозунги — это все рассылалось из центра, из Москвы, что нужно было печатать на праздники. Читаю. Там должно

было быть: «Да здравствует нерушимая дружба между народами СССР и ПНР». А что там было? «НАрушимая дружба». Слава Богу, это уже времена хрущевские. Я сижу — рубашка навывпуск, модные узенькие брючки, современный парень. И я ему говорю — Павел Иванович, какой идиот это читает вообще, то есть никакого раскаяния у меня, но и у него злобы нет. Повторяю — другие времена. И он мне — ты знаешь, я тоже так думал, но мне позвонил второй секретарь райкома партии... А каждая газета — это же был орган райкома или, еще выше, обкома партии.

А. С. Я сам в студенческие годы, занимаясь попутно журналистикой, попал в похожую историю. Я был мальчиком на побегушках в газете «Известия» и однажды заметил дурацкую опечатку: вместо ЧССР набрали СССР. Исправили уже перед самой распечаткой номера. Хвалили меня. Это был год, когда у власти был Андропов, 1983-й.

А. Л. Короче, он мне только сказал: в следующий раз будь внимательнее. К чему я об этом вспомнил? Опять история, связанная с Польшей. И вот я поначалу хотел идти бунтовать, почему это вдруг меня перевели на славянское отделение, хотя я на русское подавал. Но услышал про Польшу — сижу и думаю. Я был начитанный парень. Это не значит, что пропадал только за книгами, нет. Нормальный был, драчливый, спортивный, любил все эти пионерские лагеря, походы и все прочее. То есть был компанейским парнем. Но очень много читал. И русскую классику, и зарубежную, в переводах. И однажды моя бабушка, из простой семьи, интеллигентка в первом поколении, из тех, кто сами себя сделали интеллигентами, увидела, что я читаю, и говорит мне: нельзя считать себя русским интеллигентом, если ты не прочел Э. Ожешко, Б. Пруса, Г. Сенкевича. То есть это был своего рода канон чтения русской интеллигенции. И вот после этого я прочел всю эту польскую классику в переводе. Об отношении к Костюшко я уже говорил.

Короче, я подумал: что ж, мне это тоже интересно, буду заниматься Польшей, а одновременно ходить на те занятия, которые меня интересуют, а меня интересовала тогда и античная литература, и философия. Потом уже узнал — хотя польский язык был с первого курса, но литература, история только с третьего. Единая программа была для всех студентов славянских групп, независимо от языка. А кроме того, у нас была двойная специализация. Нас готовили и как русистов. А потому — история русского языка, фонетика русского языка и т. д.

Эпоха десталинизации. По общественным наукам новых учебников не было. Старые, сталинских времен. Но были новые курсы. Политэкономика. Нам преподавала моя землячка, из Украины, доцент Бондаренко. Красивая женщина, полна энтузиазма. Она нас гоняла так, как будто мы экономисты, а не филологи и вообще люди иного мышления. Учили политэкономия по источникам — «Капитал» Маркса. Хотя сопляки, первый курс. Я хотел заниматься не политэкономией, а тем, что мне было дей-

ствительно интересно. В том числе философией. А на другое ходил время от времени. Или вообще не ходил. Были и тройки, и двойки. Я был на плохом счету. А порядки еще сталинские. Заседания кафедры чуть не каждую неделю. Вызывали не раз, прорабатывали. Не помню, кто руководил тогда кафедрой.

А. С. Кажется, С.Б. Бернштейн¹¹.

А. Л. Знаю хорошо, что полонистикой руководила Елена Захаровна Цыбенко¹². А вы ведь знаете, что славистика в 1930-е годы была у нас уничтожена.

А. С. «Дело славистов» начала 1930-х¹³. И ленинградский академический институт славяноведения был в 1934 году закрыт.

А. Л. А потом власти опомнились и поняли, что слависты нужны. В 1943 году в МГУ стали изучать языки, вводить предметы. Преподавателей не было. Мало кто остался, в основном они были сосланы. Поэтому преподавали эмигранты, часто просто поляки, но они не имели специального научного образования, скажем так. И вот Елена Захаровна попала молоденькой девушкой, стала изучать Польшу, преподавать. Это был очень порядочный человек, но человек своего времени. И вот меня вызвали на кафедру, песочат. А у меня была уже психология сложившегося, взрослого человека, я зарабатывал на себя, причем в журналистике гонорары у меня были даже больше, чем зарплата, я подвижный, много бегал, писал, публиковался. Хотел всегда узнать — а как оно было на самом деле. И я не стоял таким поникшим, кающимся. И говорю: вот меня взяли на славянское отделение, в польскую группу. А где тут польская литература, где польская история? Я не пью, не гуляю, хотя на это есть время. Стал говорить, что вот на такие-то занятия приходится ходить самому факультативно, потому что в программе отделения их нет. А я ведь сидел в библиотеке. Хотел и философию освоить по книгам с надписью «только для научных библиотек». И литературоведение хотел узнать не на тогдашнем советском уровне. Я уже знал о Веселовском¹⁴, который был предан проклятию, творец

¹¹ Кафедру славянской филологии в это время возглавлял известный филолог-славист и балканист Самуил Борисович Бернштейн (1911–1997).

¹² Елена Захаровна Цыбенко (1923–2011) преподавала польскую литературу на филфаке МГУ с 1948 г. С 1972 г. профессор. Доктор филологических наук (1969).

¹³ Сфабрикованное в 1933–1934 гг. уголовное дело по обвинению в «контрреволюционной деятельности» против большого числа представителей гуманитарной интеллигенции Москвы и Ленинграда. Среди привлеченных по этому делу были выдающиеся ученые (историки, филологи, археологи, этнографы, искусствоведы) М.Н. Сперанский, В.Н. Перетц, Г.А. Ильинский, А.М. Селищев, Н.Н. Дурново, В.В. Виноградов, Г.А. Бонч-Осмоловский, П.Д. Барановский и др. Судьба их в дальнейшем сложилась по-разному. Организатор дела чекист Г. Люшков в 1938 г. бежал в Японию.

¹⁴ Александр Николаевич Веселовский (1838–1906) — русский литературовед с мировым именем, один из основоположников сравнительно-исторического литературоведения.

исторической поэтики. И русских формалистов¹⁵ читал. Эти книги не были запрещены, они были вне программы, их не рекомендовали, но они были доступны в научной библиотеке. Конечно, я был не единственный, кто всем этим интересовался. Были ребята... И в том числе из молодых преподавателей. И вот слушают меня преподаватели. Среднее поколение, они особенно меня критиковали. Но после моих ответных обвинений это была уже какая-то взаимная экзекуция. И сидел старец, удивительно похожий на Толстого. И он всегда с такой симпатией на меня смотрел, и ни разу не выступил против меня. И я спросил потом в общежитии ребят постарше с этой же кафедры, кто это? Ну как же, это Илья Ильич! Внук!¹⁶

А. С. И.И. Толстой, отец Н.И. Толстого¹⁷. Он вернулся после войны из Югославии и преподавал на кафедре сербохорватский язык. У него многие наши югослависты учились. И потом вспоминали его добрым словом. И говорили о его влиянии.

А. Л. И вот как-то после очередной чистки мозгов он меня поймал, решил поговорить: откуда я, чем занимаюсь, что мне интересно. Видит: парень думающий, ершистый, который действительно хочет что-то знать. Но и Елена Захаровна ко мне относилась с симпатией. Возможно, это именно ее инициатива была взять меня в польскую группу — посмотрела мое личное дело, газетные публикации, которые были к нему приложены. А кроме того, там в основном девчонки были, а ей хотелось, чтоб в польской группе были и парни. Не в том дело, что я ей понравился, она знала, что я еще и занимался. И вот был у меня с ней откровенный разговор: хочу читать, изучать польскую литературу, но ведь нет ее сейчас в программе.

А. С. Не говоря уже о польской литературе XX-го века, которую вообще мало кто знал у нас.

А. Л. И вот я как-то откровенно сказал ей: Елена Захаровна, я уже внутренне для себя решил. Кончаю первый курс и перехожу на историю искусств, которая меня очень интересовала. Вообще у меня была мечта — я хотел учиться на архитектора, но в той глубинке, где я учился, не было ни черчения, ни нормальных уроков рисования. А без этого поступить было невозможно. Она всполошилась, стала переубеждать меня. И принесла мне список польской литературы для чтения. И научной литературы.

¹⁵ Речь идет о представителях «формальной школы», очень заметного явления в отечественном литературоведении, связанного с деятельностью Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ), существовавшего в 1916–1925 гг. С ОПОЯЗОМ были связаны В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон, Е.Д. Поливанов, Л.Я. Гинзбург, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский и др.

¹⁶ Илья Ильич Толстой (1897–1970), внук Л.Н. Толстого. Из морских офицеров. После гражданской войны — в эмиграции, главным образом в Югославии. После окончания Второй мировой войны семьи И.И. Толстого и его брата В.И. Толстого получили возможность вернуться на родину. Доцент филфака МГУ, филолог-югославист.

¹⁷ Толстой Никита Ильич (1923–1996) — лингвист-славист и фольклорист, глава научной школы. Академик АН СССР (1987), затем РАН.

Для третьего курса. Чтобы я уже начал читать, изучать. Она стремилась меня остановить. Я все стал честно осваивать. Делился с ней мнениями в частных беседах. Она что-то объясняла. Из программы третьего курса. И вот вернусь к разговору с Толстым в коридоре. Возможно, он мной заинтересовался потому, что я был для него нетипичный советский студент. Он вернулся из-за границы, привык к людям более свободно мыслящим, иным. Чем я еще мог заинтересовать этого старца, внука Толстого? Но я могу лишь догадываться.

А. С. Он был в то время не так уж стар, 60 лет.

А. Л. В моих тогдашних глазах старый. Наши встречи стали регулярными. В каких-то «окнах» для него. Он рассказывал много интересного. А я впитывал все это. У него была дивная русская речь, интеллигентская, дореволюционная. С интонациями специфическими. Он служил в знаменитом корпусе Капшеля¹⁸. Помните в фильме «Чапаев» сцену психической атаки? Это каппелевцы были. А меня интересовала военная история, как это было на самом деле. И он рассказывал действительно, как это было на самом деле. А не так, как писали в учебниках А.М. Панкратовой про Суворова, якобы гуманно обошедшегося с жителями восставшей Варшавы.

А. С. Ему было что вспомнить.

А. Л. Как с каппелевцами ушел в Манчжурию. Из Китая — в США. Там, кто хотел — оставался, а кто хотел — выбирал Европу. И он выбрал Югославию, потому что ближе к России.

А. С. Славянская страна...

А. Л. Православная Сербия! Он был очень православным, как и Никита Ильич, с которым я позднее много общался. Илья Ильич рассказывал и про русских в Югославии. До 1927 года и сами большевики называли произошедшее в октябре 1917-го переворотом, а не Великой Октябрьской революцией. Ведь многие не верили, что это долго продлится. И в эмиграции тоже только через десять лет советской власти поняли, что это надолго. И вера окончательно исчезла. А он с этой верой оставался в Югославии, и это было продолжение интеллигентской дореволюционной России, русской культуры, что очень важно, мышления, ментальности. Общение с ним многое давало. Открытый человек. Интеллигентный в старом понимании, еще дореволюционном, а не советском, когда в личном листке по учету кадров даже человек с неполным средним образованием мог писать, что он интеллигент, ведь у других не было и семилетки. Очень удачно Солженицын назвал советскую интеллигенцию «образованщиной». Великолепно! Кстати, и в польском языке нашли очень удачный аналог этого слова, когда переводили Солженицына. Тут нашли перевод, но в польский обиход,

¹⁸ Генерал В.О. Каппель (1883–1920) командовал Первым Волжским корпусом в армии Колчака, за которым закрепилось название «Каппелевский».

в польскую речь вошли и некоторые русизмы прямо в русском оригинале, без перевода. «Молчать, собаки!» или «Руки по швам!». Их использовали без перевода в Польше в адрес оппонентов в ходе каких-то дискуссий в польском Сейме постсоветских времен некоторые представители, скажем так, отнюдь не интеллигентского течения. Это проявление той специфической культуры, которая не только у нас, но и в Польше оставила свой след.

А. С. XX съезд в феврале 1956 года вы застали еще в Крыму. Помните реакцию в обществе на то, что Хрущев сказал о Сталине? Было дано распоряжение ознакомить с содержанием доклада о культе личности широкий круг людей на собраниях по всей стране.

А. Л. Были, были собрания. Я помню, это был шок. Шок! Потому что, с одной стороны, многое знал и видел, как живут люди. А с другой стороны, действовало внушение — и война, а в ней роль Сталина. Одно с другим механически сочеталось. Так что и для меня тоже был шок. Я помню, мы жили на Стромынке, первый курс, и там показывали старые фильмы, в том числе «Ленин в Октябре»¹⁹, и преобладающая часть зала аплодировала, когда на экране появлялся Сталин, потом всё это вырезали. Так что это была проблема моего поколения. Выход из сталинизма, а многие этого так и не преодолели.

А. С. Те, у кого родители были репрессированы, воспринимали, наверное, по-другому.

А. Л. У каждого свое. Познание реальной жизни влияло на мышление. Как мне бабушка говорила: «вырастешь, Саша, узнаешь». И я постепенно узнавал. Не только из литературы.

А. С. Возвращались люди из лагерей, это началось еще до XX-го съезда. Вы могли кого-то встречать.

А. Л. Я хочу вспомнить детство, оно у меня ассоциируется с типичным старым русским городом Боровичи, районным центром. Я говорил уже про деревянные избы, рубленые дома, участки, спасавшие людей от голода — картошка, капуста, свекла. Соседский дом. Муж погиб на войне. Девчонка моя ровесница, малообщительная. А мать ее общалась через забор с моей бабушкой, дедушкой. И к ним прописался инженер, которого выпустили, это еще было до 1953-го года. Выпускали и тогда некоторых. И Д.Ф. Марков²⁰ был среди них, наш будущий директор. Так вот, инженер. Худенький, через него все будто просвечивается. Серый цвет лица, какой-то потухший. А я тогда еще не понимал, что такое интеллигентное лицо, позже стал ассоциировать это с дореволюционными интеллигентами. Ему дали какую-то работу. Может, взяли его только за то, что он закончил до революции не-

¹⁹ Фильм режиссера М. Ромма (1937) с Б. Щукиным в главной роли.

²⁰ Литературовед-славист академик АН СССР (с 1984 г.) Дмитрий Федорович Марков (1913–1990) был директором Института славяноведения и балканистики АН СССР в 1969–1987 гг. Прошел через репрессии в Харькове в 1937–1938 гг.

мецкий горный институт. Он в Германии учился. И он помогал девчонке, моей ровеснице, с немецким языком. И вот — через забор, бабушка копается в огороде, а я слышу ее разговор с матерью той девчонки: взяли опять. Ну кому он был нужен, потухший человек, былинка. Но помню и другое. Донбасс. 1955 год. Возвращались из заключения те, кто сотрудничал с гитлеровцами. Помню здоровенного парня, про таких говорят: бугай. С могучей шеей. Был полицаем. Таких показывали в кино. И вдруг возвращается. Со временем стали возвращаться и политические. Все эти впечатления наслаивались, существовал какой-то параллелизм. Официальное мышление, литературные впечатления и реальная жизнь. В Москве все это ощущалось не так и не в такой степени, а там, где я жил, можно было увидеть больше. Ближе к народной жизни, больше нужды, еще сохранялась простонародная русская культура. Отсюда и большее внутреннее раздвоение — между официальным и реальным. Вы «Кубанские казаки»²¹ смотрели?

А. С. *Сказка. А вы видели реальность и могли сравнить со сказкой.*

А. Л. Все это как раз было связано с постепенным, очень трудным и долгим преодолением того, что наслоилось и довлело в связи со сталинизмом. Это была проблема моего поколения. 1953-й год. Донбасс. Я помню, в школе над доской висел портрет Берии, а потом, когда его ликвидировали, нам сказали, чтобы в учебниках то ли литературы, то ли истории замалевали чернилами цитаты из Берии. Так что на глазах у нас исчезали лица и герои. И все это заставляло задуматься. И вот беседы с Ильей Ильичем этому помогали. В Крыму, когда я работал еще в газете и собирался в Москву, критиковали группировку — Молотов, Каганович...

А. С. *Июньский пленум 1957 года. Внутривнутрипартийная борьба Хрущева со своими политическими противниками. А до этого были события в Польше, в Венгрии 1956 года. Особенно после венгерских событий были молодежные кружки в МГУ, искали «правильный марксизм», хотели более демократического социализма. Было так называемое дело Краснопевцева²², 1957 год. Арестовали группу аспирантов и старшекурсников. Правда, это было за год до поступления, но что-то помните? Это обсуждалось в студенческой среде на Стромьнке?*

А. Л. Естественно. Я даже знал одного по общежитию, который был чуть старше, с исторического факультета, проходил по этому делу Краснопевцева, но его выпустили. Тоже такой потухший парень. Мне говорили: будь с ним осторожен, не болтай лишнего. Его же не просто так выпустили. В общежитии все это обсуждалось. А порядки были не либеральные, хотя Сталина уже не было. Деканом на филфаке был Р.М. Самарин. Он начал

²¹ Фильм режиссера И. Пырьева (1949).

²² Лев Николаевич Краснопевцев (1930–2021) — историк, диссидент, глава подпольного кружка независимых марксистов (1956–1957). Политзаключенный (1957–1967). После освобождения работал на заводе, с 1985 г. занимался историко-музейными проектами.

делать карьеру после 1937-го года и продолжал в те времена, когда я уже учился. А уровень культуры! Он гонялся за девчонками с нашего курса, как я сейчас помню, которые приходили в брюках. Там курилка была на лестничной площадке на моем этаже, мы там кучковались, а он их и оттуда выуживал. Они прятались, говорили: заслоните меня. Господи, Боже мой...

А. С. Как будто других проблем не было у декана.

А. Л. Такая атмосфера проецировалась на жизнь факультета.

А. С. При том, что были разные профессора.

А. Л. Я сказал об Илье Ильиче. Елена Захаровна была верующей коммунисткой, но это был порядочный человек. Порядочные люди были везде. Вот мой редактор — пожалуйста, вот этот пример: «нарушимая дружба с народом ПНР», ему звонит секретарь райкома, он ничего, он со мной вместе усмешается, говорит только — будь осторожен.

А. С. Вы на славянском отделении изучали польский язык. А интерес был к происходящему в Польше? 1956 год, Гомулка²³, еще пару лет назад находившийся под арестом, приходит к власти. Польский Октябрь, поляки требуют более независимого от Москвы социализма, тысячи людей на улицах. Это все как-то обсуждалось?

А. Л. Вы же понимаете, что это факультет в основном женский, по-моему, таковым он и остается традиционно. В группе я был единственный парень. Не могу сказать, что моих девчонок это сильно интересовало. Но помню, что в журнале «Польша», который выходил на русском языке, был подробный отчет о съезде Союза польских писателей. А там звучали мнения, однозначно не совпадающие с тем, что у нас писалось о сталинизме и современной культурной политике. Я помню: взял и был ошеломлен, когда прочел, а имена большинства современных польских писателей, которые там были упомянуты, мне были ранее неизвестны, у нас их не переводили. И потом я хотел еще раз запечатлеть это в памяти, запомнить имена и эти смелые выступления. А мне всё говорили — журнал на руках, он на руках, и я понял, что журнал этот, видимо, убрали в спецхран.

А. С. Некоторые ребята вашего года рождения, призванные в армию, попали в Венгрию и стали там осенью 1956-го свидетелями бурных событий.

А. Л. Я тогда жил в шахтерском поселке. Венгерские события как-то прошли мимо меня и моего поколения, в моем кругу не обсуждались. Помню только... был популярен джаз Лаци Олаха, и я помню, как были разговоры о том, что они в Венгрию не могут вернуться. А вообще у нас мало что было известно о тех событиях.

²³ Владислав Гомулка (*Władysław Gomułka*) (1905–1982) — деятель польского коммунистического движения. В 1943–1948 гг. лидер Польской рабочей партии, обвинен в «правонационалистическом уклонизме», в 1951–1954 гг. находился под арестом. Вернулся к власти на волне общественного подъема 1956 г. В 1956–1970 гг. первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии.

А. С. Как показывает «дело Краснопевцева» и некоторые другие аналогичные дела, венгерские события не совсем прошли мимо нашей студенческой молодежи. Был ряд случаев в Москве и Ленинграде, когда людей сажали за распространение листовок в защиту венгров. А вот начавшееся в 1955 году сближение с Югославией, с режимом Тито, который волею Сталина был отлучен от коммунистического движения. Все-таки вы учились на славянской кафедре. Это как-то обсуждалось? Несколько лет в советских газетах Тито называли не иначе как «цепной пес империализма». И вдруг все в одночасье изменилось: «дорогой товарищ Тито — ты теперь нам друг и брат».

А. Л. Это все я помню очень хорошо. Еще в Крыму. Входит в трамвай какой-то джентльмен, потасканный, полурванный, с красным носом и громогласно: «Дорогой товарищ Тито, ты нам снова друг и брат, рассказал нам все Никита, ты ни в чем не виноват! Товарищи, подайте на укрепление югославско-советской дружбы».

А. С. Примерно так оно и было.

А. Л. Великолепно! А самого Тито я помню, когда еще сопляком был, в продовольственном магазине в нашем, еще в Боровичах, плакат — такая большая карикатура была, как разные подонки цепляются за дядю Сэма. И среди них был, конечно же, и Тито, который цеплялся за этого дядю Сэма.

А. С. Это начало антиюгославской кампании. 1948-й год. И последующие годы.

А. Л. А потом вдруг все изменилось. Этот пьянчужка, сразу, сразу.

А. С. Хотя на самом деле отношения с Югославией были неровные. Летом 1956 года Тито к нам приезжал, его с почетом приняли, но потом, после венгерских событий, с ним снова осложнились отношения. Его снова начали ругать. Конечно, послабее, чем раньше. Уже не «цепной пес», конечно, был товарищ Тито, а обыкновенный ревизионист.

А. Л. Но мне запомнилось конкретно именно вот это. Сначала — враг Советского Союза, подонок, цепляющийся за дядю Сэма, и потом вот этот пьянчужка, который на фоне новых, только что вышедших публикаций призывает с Тито брататься. Русский народ откликнулся. Но на филфаке среди девчонок мы это всё не слишком-то обсуждали, по правде говоря. В отличие, видимо, от историков.

А. С. Вообще, как показывают и документы, и воспоминания, 1956 год в студенческой среде МГУ был довольно бурным, много обсуждений. Но венгерские события напугали нашу власть. В декабре 1956-го принимается партийное постановление «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». И более частное: «Об очищении вузов от нездоровых элементов». И вот после этого берутся и за Краснопевцева и всю компанию, и за многих других.

А. Л. Я поступил уже в 1957 году, но помню: когда эта моя землячка в Коммунистической аудитории провозглашала превосходство социалистической экономики, то аудитория смеялась громко, заглушая ее. Так что все это было. Конечно, многие вели себя тихо. Но ведь среди нас были люди, которые прошли армию. Они больше понимали... И провинциалы, которые видели, как по-настоящему живет Россия, Советский Союз.

А. С. *Видели разницу между пропагандой и реалиями.*

А. Л. Конечно.

А. С. *Давайте теперь поговорим о том, почему и как вас направили продолжать обучение в Польше.*

А. Л. Широчайший коридор на Моховой, по которому можно на велосипеде ездить, я бегу в 8 или в 8:30 — начало первой лекции. И упираюсь в чей-то живот, грудь, поднимаю глаза — Илья Ильич, а он высоченный был, действительно гвардеец. Приблизительно такого же роста, как Никита Ильич. Я среднего роста, поднимаю глаза, он так ласково улыбается — вы, конечно, спешите. — Ну, естественно, Илья Ильич, в 8 начало. — И, конечно же, на свои занятия, — подчеркивает: свои, не наши, курсовые. — Извините (прекрасный русский язык звучит), я вас задержу буквально на мгновение. Вчера состоялось заседание профессуры нашего факультета, и на основании подписанного соглашения с Польшей поляки присылают своих студентов, а мы должны выделить своих. Единственный человек, которого я вижу, — это вы. Ну вы же понимаете... с вашим посещением занятий, с вашими двойками, тройками мне трудно вас рекомендовать. Так что подумайте!.. Я и подумал. Почему не получить все из первых рук там. А не здесь, в соответствующей политической, идеологической реинтерпретации. Увидеть своими глазами страну, ее культуру, изучить их историю, понять, что там происходит.

А. С. *И решили исправить плохие отметки.*

А. Л. Как бы вам сказать. Большее значение имеет устремленность, особенно в те годы. Я помню это все свежо и непосредственно. Конец семестра, первого семестра. Я начинаю все сдавать на пятерки. Ну, память, естественно, и стремление. Чтобы дать аргументы Илье Ильичу.

А. С. *Все-таки он за вас поручился, вы не должны были подвести его.*

А. Л. Я помню до сих пор целые очереди перед каждым экзаменом или зачетом, пускали там по одному-два человека. Очереди, когда я сдавал. То есть мне иногда не хотели ставить... Но я на все вопросы отвечал. Ну не могли засадить и всё. Они упрямые, но и я упрямый. До сих пор помню, я сдаю один из самых нелюбимых моих предметов — Введение в языкознание. Нечистый или наоборот очень чистый, черт или ангел, надоумил меня прочесть примечания, какое-то правило или закономерность, совсем маргинальную, я прочел и запомнил, я запоминал все, как фотоаппарат.

И очень милая, приятная дама как раз принимала этот экзамен, которая тоже имела на меня зуб, она не была злой, просто очень редко меня видела. А тут я на все отвечаю. И в конце, а меня спрашивали до 40–45 минут, поэтому толпы собирались каждый раз за дверью, — она мне задала вопрос, связанный с этим примечанием. Когда я ей ответил слово в слово, что там было написано, она рассмеялась. И поставила мне пятерку с чистой совестью. И со смехом. Это было очень знаменательно. Вот так! Жаловались на него, нигде его нет, двойки, тройки, а тут пятерка.

А. С. И в результате вы оказались в числе тех, кто получил возможность поехать учиться дальше в Польшу.

А. Л. Числа не было, я был единственный. 1958 год. После первого курса. Помню, меня таскали по разным комиссиям. Партбюро факультета. Со мной пошла Елена Захаровна. Она партийная, возглавляла парторганизацию кафедры. А люди там сидели недоброжелательные ко мне. Особенно Н.М. Шанский, он потом стал достаточно известным специалистом по современному русскому языку, так он терпеть меня не мог, а я его. На занятиях я действительно редко попадался ему на глаза. Но его вообще студенты не любили. Он был упорен в своей нелюбви ко мне. Другие же меня просто не знали. Меня попросили выйти. Через некоторое время зазвали. Вопрос был решен положительно.

А. С. И так поехали в Польшу.

А. Л. Еще полгода учусь, получаю повышенную стипендию. Это имело для меня большое значение. Ведь я принципиально не принимал никакой помощи от родителей, от бабушки с дедушкой тем более, у которых душа болела — как он там. 220 рублей, что ли, обычная стипендия в то время была. А то вдруг сразу 360 или 380. По тем временам это были деньги. Так что даже в этом отношении я почувствовал некоторое облегчение. И вот приезжаю в Польшу. Во-первых, вообще первый раз за границей...

А. С. Совсем другая страна, другой мир, конечно.

А. Л. А кроме того — там все бурлит. Особенно в студенческой среде, в молодежной.

А. С. Все эти «клубы Кривого колеса»²⁴.

А. Л. Вы это знаете как историк. А для меня это живое. Признаюсь, поначалу было очень трудно. С одной стороны, нормальные ребята вокруг. Общение более или менее оживленное. Я был нормальным парнем, ходил на танцы. Но ведь ты из другой страны, ты чужой, а кроме того, во мне еще

²⁴ Варшавский клуб реформаторски настроенной интеллигенции. Существовал в 1955–1962 гг. Запрещен решением властей в условиях начавшегося внутривнутриполитического ужесточения. Сыграл большую роль в зарождении и формировании политической оппозиции в ПНР. См.: Волобуев В.В. «Клуб кривого колеса» в общественно-культурной жизни Польши // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 724–743.

было что-то, связанное с этим внутренним раздвоением, о котором я сказал и благодаря которому я, кстати говоря, стал глубже понимать русскую литературу. У Пушкина есть изумительное высказывание о том, что я могу, конечно, презирать мое отечество с головы до пят, но мне неприятно, когда об этом говорит иностранец. Это понятно психологически. У меня было такое же состояние. Мне тоже было неприятно, когда говорили много плохого о моей стране. Пусть справедливо.

А. С. Польский язык вы начали учить еще в Москве. Но одно дело учить язык дома, и другое — живое общение с носителями этого языка.

А. Л. Фактически я изучал язык в университете только один год. А я не человек, который приспособлен что-то заучивать, тем более что-то зубрить. Это касалось и языка. У меня была удивительная преподавательница польского языка на первом курсе, и она знала этот мой живой ум... Адель Соломоновна Посвянская. Она сама была из Восточной Польши, той, что вошла в состав СССР в 1939 году. Я помню, как мы работали. Спрашивает: как «полотенце» по-польски, такие обычные слова, но я не знаю. — Хорошо, а как по-польски «рука»? — Ну, ręka (ренка). — «Полотенце» от «руки»? — «Рушник». — А у поляков? Подобное происхождение. — Ręcznik (ренчник), — это я уже говорю, я ей так отвечаю. Зная украинский к тому времени, я приучал себя учить польский через украинский, но не зубрил ничего. И поэтому, когда я приехал, я сразу стал конспектировать лекции, ни в коем случае не переводя себя, только на польском. И часто у меня получалось, что транскрипция у меня была польско-украинская, пока все не устаканилось. Но через польский. А тут в Польше живой язык, постоянное общение. Я овладел языком быстро. Я не единственный, конечно, был студент, приехавший в это время из СССР. Были и из других вузов. И старались кучковаться вместе. Я же сразу попросил, чтобы меня поселили с поляками.

А. С. Расскажите о Варшавском университете того времени. Насколько я знаю, в польских университетах в эпоху коммунизма удалось сохранить некоторую автономию, работала старая профессура, не все были удалены.

А. Л. Разница с Советским Союзом, конечно, была. Сколько лет у нас прошло начиная с 1917 года и как вбивалось все? Сколько людей мы потеряли за эти десятилетия... В Польше было иначе. Преследования коммунистами оппонентов и прочие прелести начались с 1946 года, а в отношении гуманитарных наук, литературы, искусства, вот это вот насаждение примитивного соцреализма только с 1949-го, когда на советский манер стали перестраивать всю систему культуры. Но это длилось не более пяти лет. Старых профессоров поначалу удалили. Их не ставили к стенке, как у нас, даже почти не арестовывали, они печатались даже в отдельных научных изданиях, но они не имели права работать в системе высшего образования,

их не допускали общаться с молодежью. А книги их, собственно говоря, и не запрещались, когда сами профессора не могли преподавать. Книги были доступны, их можно было читать в университетских библиотеках. У нас такого не было. А потом старых профессоров вернули. Я попал в Варшавский университет в удивительное, прекрасное время, когда туда возвращались старые профессора. И это было время расцвета Варшавского университета. И не только Варшавского, но и других. Старая культура была жива.

А. С. *Какой была программа на филфаке Варшавского университета?*

А. Л. Первой книгой, которую я побежал искать, была *Quo vadis* — «Камо грядеши», произведение первого польского лауреата Нобелевской премии Г. Сенкевича, которое я знал вот, как Библию, тоже по рассказам бабушки. Ее выдавливали из советских библиотек в периоды антирелигиозных кампаний. Не просто помещали в спецхраны, ее издания даже уничтожали в провинциальных библиотеках. Но в 1957 году она была уже в открытом доступе в библиотеке Горького в МГУ. Я сразу же записался на нее. Но не получил.

А. С. *Много желающих было с ней ознакомиться. А ведь переизданий в советское время не было.*

А. Л. И вот я купил дешевое двухтомное издание. Помню, что там были примечания для современных читателей, для учеников. Там ведь масса понятий и терминов, связанных со временами античности и распространения христианства в первые века нашей эры, что мне тоже очень помогало в понимании. Я помню, что я приходил где-то в четыре часа в общежитие, отдыхал после занятий. Я ложился, рядом на одеяле лежал словарь польско-русский, и в руках книга. И я вначале чуть ли не на каждой странице лез в словарь, и меня внутренне это страшно раздражало, потому что я нарушал цельность восприятия. Но тем не менее я лез. И вдруг я помню, где-то к середине второго тома я откладываю книгу, на перерыв, чтобы что-то выпить, съесть, и вдруг смотрю — я ни разу не открывал словарь.

А. С. *Все поняли без словаря.*

А. Л. Вот так вот. Вживую. Это был *Quo vadis*. Единственное в жизни, что я зазубрил — это таблица умножения. Всё. Мне важно было что-то понять, схватить, а дальше я уже психологически не мог зубрить. Забегу немного вперед. Когда мне по окончании университета предложили в Москве поступать в аспирантуру и был экзамен по польской литературе, я начал готовиться и чувствовал, что плаваю. Привык к польскому языку, уже и думал по-польски, русский почти не слышал, только когда в посольство ходил. А тут получается какой-то дикий корявый русский язык с польскими словами вперемешку. И я попросил комиссию во главе с Еленой Захаровной разрешить мне перейти на польский. Экзаменаторы все знали польский — в большей или меньшей степени. Мне разрешили. И это была песня.

Нам давали в университете такие, как я это называл, «простыни». На нескольких листах список художественной литературы, которую мы должны были прочитать. Это была в основном второстепенная литература, не классика, которую поляки знали еще по школе, по гимназии. Но это была та литература, без которой классики бы не было. Я все это прочел, и даже больше этой простыни. Поляки иногда даже смеялись. Когда экзамены, зачеты, спрашивали содержание, а некоторые студенты не знали, им говорили — иди к Липатову, он расскажет. Когда я приехал, мне предложили пойти на первый курс, ведь разница в программах большая. Но это не соответствовало моей психологии. Возвращаться назад? Я пошел на второй курс, но досадал, что было нужно, по программе первого. Помню еще, как изучали философию.

А. С. *В Польше и в это время работали крупные философы.*

А. Л. Сейчас вы скажете: Колаковский²⁵.

А. С. *Я имел в виду не только марксистов. Но был и Колаковский, крупный неортодоксальный марксист, считавшийся у нас ревизионистом.*

А. Л. Колаковский читал нам лекции. Конечно, и в российской традиции марксизм не сводился только к Ленину и большевизму. Был Плеханов, который вовремя умер в 1918-м. Он клял и гонял Владимира Ильича еще в эмиграции: какой тот марксист. Но кстати, у нас в советское время иногда даже и К. Каутского переводили, издавали, я видел дешевые издания его книг и в Донбассе. И Розу Люксембург издавали. Мне запомнилась ее фраза: «Зверь хлебнул крови, и теперь он не остановится». Это она по поводу Октябрьской революции и гражданской войны, которую вызвала Октябрьская революция.

А. С. *Ну ее можно было издавать уже потому, что она воспринималась как жертва контрреволюции. Ее ведь убили в 1919 году.*

А. Л. Но я хочу сказать не о ней и не о Колаковском, а о том, как воспринимался в Польше марксизм-ленинизм, идущий из Советского Союза. Вот экзамен по философии. Коридорчик, несколько дверей. Ребята думают: ну Липатов приехал из России, он, конечно, предпочтет марксизм сдавать. Ему это легче. Конечно, легче. Но я-то ведь интересовался не только этим. Но и Средневековьем, и христианской философией, теологией, многим другим. Изучал это по польским книгам. Вот трехтомник Татаркевича²⁶ по истории философии, запрещенный в период сталинизма, до сих пор храню.

²⁵ Лешек Колаковский (*Leszek Kołakowski*) (1927–2009) — польский философ, неортодоксальный марксист. После эмиграции из страны в 1968 г. поддерживал связи (особенно в 1980-е годы) с польской оппозицией, а после 1989 г. активно участвовал в общественной жизни Польши.

²⁶ Владислав Татаркевич (*Władysław Tatarkiewicz*) (1886–1980) — польский философ и историк философии, видный представитель европейски известной львовско-варшавской школы в логическом позитивизме.

А. С. В Польше могли уже тогда читать в библиотеке книги, к которым у нас не было доступа.

А. Л. Не только в библиотеках. Я ходил на занятия, лекции Татаркевича. Я изучал это и шел сдавать, что — ждете, что не сумею? Что знаю только марксистов? Нет, отбарабаню на экзамене и это. Выхожу с экзамена, ребята: ну что? Провалился? По-польски это «obłac». Я говорю — пять! Зауважали. Как и некоторые преподаватели — я стал для них своего рода экспонатом, что я вот это знаю и этим интересуюсь. Наверно, многое идет от домашнего воспитания, от того, что во мне изначально было привито уважение к другим нациям, культурам, религиям.

А. С. Да, а ведь вы попали в католическую страну. Окунулись совсем в другой мир. Костелы.

А. Л. Вопрос опять же в уважении к другой вере, другой культуре. Ты с этим не согласен, у тебя другие представления, но уважай. Постарайся понять их взгляд на мир, на человеческие отношения. Даже если ты вообще не воцерковленный. Это касается не только веры. Вы помните, с чего мы начали? Вы сказали «на Украине», а я вас поправил — «в Украине», вот в этом проявилось мое уважение. Хотя в самой Украине было и «в», и «на». Я помню первое стихотворение, которое я прочел на украинском языке, вы себе представить не можете, это был 4 или 5 класс. Заигрывала власть с Украиной после войны или нет, не знаю. Но в учебнике, который назывался «Родная речь» — вы это уже не застали, это был учебник по литературе и языку одновременно — и вот там было помещено стихотворение Шевченко на украинском языке. «Заповіт» — «Завещание».

*Як умру, то поховайте
Мене на могилі
Серед степу широкого
На Вкраїні милій...*

То есть и в украинской традиции в принципе допустимо «на». В свое время, когда у нас, при всех трениях, были нормальные отношения с Украиной, я разговорился на эту тему с украинскими коллегами. На конференции по барокко. А ведь наше барокко пришло из украинских земель. Мне объяснили: «в» надо говорить, когда речь идет о конкретном городе, государстве. А «на» — это вообще пространство с неопределенными границами. Я согласился, стал себя сам поправлять и приучать, и в меня это вошло. Если речь идет о государстве — то только «в Украине». Я обычно не слушаю политические речи, но как-то, еще до 2014 года, включаю радио и там наш российский лидер говорит «в Украине», видимо, есть какие-то правила дипломатии, которых надо было тогда придерживаться. Поэтому я вас тогда поправил, исходя из моего уважения к другой культуре.

А. С. Я помню первый свой приезд в Польшу, уже в 1990-е. Одно из моих воспоминаний: в костелах в будние дни увидел столько людей, сколько, например, в Венгрии видел в выходные дни.

А. Л. Польша очень разная. Не надо забывать о том, что там есть и светское мышление. Со времен Просвещения, по крайней мере. Но католичество как массовое явление — безусловно. Дети даже при социалистическом режиме ходили на уроки Закона Божьего.

А. С. *Вы посвятили себя польской литературе и культуре и поэтому, конечно, всегда понимали значение католицизма для поляков и их культуры.*

А. Л. Без католичества невозможно адекватно понять польскую культуру в широком смысле этого слова и в том числе классическую литературу, ее героев, понять их способ мышления, их этику — что было за кадром, что подразумевалось само собой писателем, который это создавал. Поэтому католичество для меня всегда было частью познания культуры, ментальности, истории иначе мыслящего другого народа. Я пытался изучить глубже католический мир, общался и с ксендзами, стремясь выслушать и понять. Уважение к религиозному воззрению было всегда, независимо от того, что я думал, во что я верю и не верю. И это мне помогало, помогало адекватному восприятию этой культуры.

Среди моих соседей в студенческом общежитии был, я помню, и коммунист — довольно вредный и двуличный, я с ним поссорился. И католик, с которым я тесно общался до конца. Он молился каждый раз перед сном. А меня будто и не было в комнате. Я ему никак не мешал.

Вообще же я человек общительный и окунулся в эту среду. Мы не только просиживали часы в библиотеках. Я любил ходить в походы. У меня были друзья и подружки из других университетов Польши, с которыми я познакомился во время походов.

А. С. *Насколько польские ребята были с вами откровенны, рассказывали что-то о Катыни?*²⁷

А. Л. О Катыни я узнал уже в студенческие годы. Ведь многое было известно из отчетов делегации Международного Красного Креста, посетившей Катынь во время немецкой оккупации. Эта информация была доступна многим в Польше. Были списки погребенных. Это у нас не знали о Катыни, а в Польше кто хотел знать, тот мог узнать многое. Даже в художественной литературе что-то иногда проскальзывало, можно было догадаться, что что-то было не так, как подает официальная версия. А тем более из общения со свидетелями событий. Я общался с одной дамой, участницей Варшавского восстания²⁸, многое узнал от нее. Помню, как я пришел к ней в гости

²⁷ Имеется в виду Катынский расстрел, массовые убийства польских граждан, в основном пленных офицеров польской армии, осуществленные весной 1940 года. Расстрелы производились по решению специальной «тройки» НКВД СССР в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. Согласно обнародованным архивным документам, всего было расстреляно 21 857 человек.

²⁸ Приведшее к большим человеческим жертвам восстание против нацистской Германии в Варшаве с 1 августа по 2 октября 1944 г., организованное командованием Армии Крайовой, подчиненной польскому правительству в эмиграции (в Лондо-

с другим человеком, и ее просто прорвало. Говорила обо всем, что знала. А ее отец погиб в Катюны — об этом я узнал уже позже. Помню свою реакцию студенческих лет. Я обмолвился в одном из разговоров с поляками: «Может быть, это действительно сделали наши. Хотя мне хотелось бы, чтобы это сделали немцы». — «А почему ты говоришь: наши?». — «Так я же ведь из этой страны». Хорошо, что тогда никто не доложил, что советский студент себе позволяет. А этот разговор надолго запомнился не только мне, но и моим друзьям.

А. С. О Катюны ваши польские молодые друзья могли узнать от родителей, от старших. А познаньские волнения²⁹ были совсем свежи в памяти. Конец июня 1956 года. Более 70 человек погибло. Настоящий расстрел. Обсуждалось это?

А. Л. Польские газеты у нас в СССР свободно распространялись уже в то время. Но вот те номера, где содержалась более подробная информация о познаньских волнениях, до наших киосков не доходили, удерживались. Но поляки-то всё знали. Тем более это же не наши просторы.

А. С. Да, а потом вы всю Польшу объездили в конце концов, имели знакомых в разных городах. Короче, люди всё знали. И не боялись в разговорах поднимать эти проблемы?

А. Л. Нет, более того, на официальных встречах советской и польской молодежи, куда через посольство мобилизовывали и нас, советских студентов, учившихся в Польше, чувствовалось, что люди всё знают.

А. С. С кем-то из ребят, с которыми вместе учились, продолжали и позже общаться, бывая в Польше?

А. Л. Конечно!

А. С. Кто-то из них себя проявил потом? Стал известным ученым?

А. Л. Такие были скорее среди тех, с кем я познакомился, бывая в Польше позже, уже начинающим советским ученым. Надо иметь в виду, что и в социалистической Польше существовало сито для новых поколений интеллигенции. Не всех талантливых ребят, окончивших университеты, брали потом преподавать. Предпочитали брать людей, проверенных в плане лояльности. Как и у нас, конечно.

А. С. Ваша дипломная работа в Варшавском университете ведь была посвящена польской литературе XVIII века?

не). Целью организаторов восстания было перехватить инициативу в освобождении Польши у Красной Армии. Вопрос о том, могли ли соединения Красной армии оказать поддержку Варшавскому восстанию, остается предметом дискуссий в научной литературе.

²⁹ 28 июня 1956 г. в польском городе Познань массовая демонстрация рабочих, выступивших прежде всего за улучшение условий труда, вылилась в серьезные беспорядки, подавленные с помощью войск. Более 70 человек погибли, более 300 получили ранения.

А. Л. Да, я хотел уйти подальше от современной политики.

А. С. *А кто был научный руководитель?*

А. Л. Здзислав Либера, очень известный профессор, он занимался Просвещением³⁰. Я познакомился с ним уже в первый год. В Польше занятия в университетах начинаются с 1 октября. Я приехал с некоторым опозданием на занятия, заблудился, не знал еще Варшаву. Я сказал уже, что меня взяли на второй курс. Пришел на лекции по истории польской литературы, других в тот день не было. Их читал Либера, я так при нем и остался.

К концу моего пребывания в Польше началось уже некоторое закручивание гаек. Но все-таки там параллельно официозу существовало то, что мы сейчас называем либеральным мышлением. Но вообще ситуация была непростой. Одновременно снова стали поднимать голову националисты, они себя называли союзниками коммунистов, защищали режим, но мышление у них было националистическое. Литературу рубежа XIX–XX веков и весь XX век у нас вел профессор Якубовский³¹. Замечательный лектор, он начинал еще до войны, в 1920-е годы, более того, литература довоенная — это была его современность. Так что он ее великолепно знал. А я ходил на все лекции по разным векам и иногда опять-таки забегал вперед, опережал программу, читал и слушал то, что мне интересно. И вот где-то на 3–4-м курсе решил, что буду писать диплом по современности (ну, все-таки молодой парень), о наших шестидесятниках — ну, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, вся эта плеяда — с некоторыми из них я позже познакомился.

А. С. *А вы, живя в Польше, следили за тем, что у нас происходит, конечно.*

А. Л. Ну, естественно. А потом это была литература моего времени, поэзия моего времени, моих как бы воззрений. Так что моим любимым поэтом был тогда Вознесенский. Ранний Вознесенский, «Треугольная груша» и т.д., он ведь архитектор и у него архитектурное мышление, в чем-то близкое мне. И я помню, на одной из конференций подхожу к Якубовскому, а он меня уже знал, потому что я всегда ходил на его лекции. И я говорю, пане професоже, я хотел бы с вами посоветоваться, вот у меня такая мысль писать магистерскую по сравнительной характеристике современной польской и русской поэзии и мышления нового поколения в двух странах. Он так посмотрел на меня с удивлением — ЧТООО??? И тут я понял, почему он так отреагировал. Профессор, державший как раз в своих

³⁰ Здзислав Либера (*Zdzisław Libera*) (1913–1998) — польский литературовед, историк польской литературы, профессор Варшавского университета. Участник Варшавского восстания 1944 г.

³¹ Ян Зыгмунт Якубовский (*Jan Zygmunt Jakubowski*) (1909–1975) — польский литературовед, литературный критик, журнальный редактор. Профессор Варшавского университета, в 1968–1974 гг. возглавлял институт полонистики Варшавского университета. Во время Второй мировой войны работал в подпольной системе образования в 1940–1942 гг. В 1942–1945 гг. узник концлагерей в Освенциме и Бухенвальде.

руках XX-й век. Дело катится к закручиванию гаек в обеих странах. Меня об этом предупреждали нормально мыслящие поляки. И я понял, что если даже здесь, в Варшавском университете, где преобладает совсем иное отношение к новому литературному поколению, пусть не всеми разделяемое, если даже здесь существуют такие опасения — то за это лучше не браться. Может сложиться так, что я не смогу написать то, что я думаю о современной польской литературе и современной советской. Я понял уже тогда, что лучше уходить от современности, которая, как маятник, колеблется, а XVIII век — устоявшийся, политики на него не обращают внимания ни здесь, ни там. И буду спокойно заниматься XVIII веком. И я до конца ходил к своему, а он стал моим, профессору, Здзиславу Либере, его отличало великолепное знание польской литературы XVIII — начала XIX веков, но также и социологии литературы, а социология у нас была вообще в загоне. Кстати, Питирима Сорокина³², нашего знаменитого соотечественника, который эмигрировал на так называемом «Философском пароходе», я впервые прочитал там как раз, в Польше. Он переводился на польский.

А. С. В 1922 году был этот самый «Философский пароход». Ровно сто лет назад. А в 1960-е Питирим Сорокин был еще в здравии. Он очень долго прожил, работал в американском университете.

А. Л. Более того, стал зеркалом англоязычной философии, сейчас его с английского переводят, у нас массово издают. Так что социологией я тоже там стал заниматься, на дополнительные лекции ходил именно по социологии.

А. С. Польская социология была очень развитой и в те годы.

А. Л. Конечно. Короче, я понял, что лучше мне оставаться свободно мыслящим, внутренне свободно мыслящим человеком, когда никто в меня ничего не впикивает и сверху не набрасывает на меня определенные сетки мышления. И я ходил до конца к Либере, он читал курс и социологии литературы тоже. Среди других ярких профессоров была Янина Кульчицкая-Салони³³, которая восторгалась моим польским языком, а я восторгался ее русским, потому что она начала со мной уже в частной беседе разговаривать по-русски, а она говорила по-русски как русская. Она говорит, ничего удивительного, я родилась в Санкт-Петербурге. Это было старое положе-

³² Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) — русский и американский социолог и культуролог, один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности. В юности участник революционного движения в России (эсер). В 1922 г. выслан из Советской России. Профессор Гарвардского университета. В последние годы жизни президент Американской социологической ассоциации.

³³ Янина Кульчицкая-Салони (*Kulczycka-Saloni Janina*) (1912–1998) — польский литературовед. Профессор Варшавского университета. Автор многих работ по истории польской литературы второй половины XIX в., в том числе монографии «*Zycie Literackie Warszawy w latach 1864–1892*». Почетный доктор Московского университета с 1977 г.

ние, которому я обязан своими знаниями. XIX век, позитивизм и вот это позитивистское мышление, свойственное тому, что у нас называется критическим реализмом в литературе. Потом из моих светлых воспоминаний — это Зофья Шмыдтова, которая принимала у меня также экзамен магистерский, она занималась поэзией «Молодого века» — это наш Серебряный век³⁴. Старая польская интеллигенция. Для меня это были самые светлые мэтры польской литературы. А по философии — Колаковский. Я сказал уже, что ходил на его лекции. И я помню лекцию про молодого Маркса. Это была заключительная лекция его курса в аудитории Максимум, самой большой аудитории. Приходили все, из города приходили, не только студенты университета, и когда он окончил, зал встал, ему аплодировали. Так встречали Колаковского, который стал всемирно известным философом. И светочем в моем восприятии.

А. С. *А если спросить вас о русских учителях?*

А. Л. Я уже сказал о влиянии Ильи Ильича, благодаря которому я узнал, что такое глубокое интеллигентское мышление. А после моего возвращения из Польши Андрей Николаевич Робинсон³⁵ помог мне глубже постичь средневековую русскую литературу и культуру в ее взаимосвязях с польской. Я много общался с ним в ходе работы над польскими разделами для «Истории всемирной литературы». Назову еще Александра Ивановича Рогова³⁶, которого вы могли знать.

А. С. *Я знал его.*

А. Л. А опосредованно моими мэтрами были А.Н. Веселовский, русские формалисты, Д.С. Лихачев, М.М. Бахтин. Веселовский и русская формальная школа имели огромное значение для мирового литературоведения. И если у нас все это было одно время вычеркнуто, то за рубежом, включая Польшу, эта традиция продолжалась и развивалась.

А. С. *Посольство советское насколько контролировало наших студентов?*

А. Л. Атмосфера была достаточно свободная. Иногда приглашали студентов в клуб советского посольства.

³⁴ Зофья Ванда Шмыдтова, урожденная Гонсиоровска (*Zofia Wanda Szmydtowa z domu Gąsiorowska*) (1893–1977) — польский историк и литературовед. Родилась в Санкт-Петербурге, в 1901 г. семья переехала в Варшаву. Профессор Варшавского университета. В годы Второй мировой войны также преподавала в подпольной системе образования, существовавшей в Варшаве в годы немецкой оккупации.

³⁵ Андрей Николаевич Робинсон (1917–1993) — крупный специалист по средневековой русской литературе, доктор филологических наук. Многие годы возглавлял сектор в Институте мировой литературы АН СССР.

³⁶ Александр Иванович Рогов (1935–1996) — историк, автор многих работ по истории русской культуры в Средние века, ее международных связей (в том числе русско-польских культурных связей). Главный редактор журнала «Славяноведение» в 1992–1996 гг.

А. С. А какая-то политпропаганда велась?

А. Л. Со стороны посольства особой политпропаганды не было. Мы, советские студенты, ходили в клуб на просмотр советских фильмов, и в этом же клубе показывали современные польские фильмы.

А. С. Это был период подъема польского кино.

А. Л. Конечно.

А. С. Вы учились в Польше четыре года, с 1958-го по 1962 год?

А. Л. Вы хорошо считаете.

А. С. Интересное время для Польши. И в литературе, и в кино, и в гуманитарных науках.

А. Л. Да, а потом ситуация стала несколько меняться. Я уже упомянул о подъеме национализма. Были организации националистического толка, чью продукцию издавали государственные издательства. Вы слышали, наверное, про ПАКС? Его предводителем был Юзеф Пясецкий³⁷. О нем много говорили в моем кругу. Печать в Польше была в то время более свободной, чем у нас. И вот я вижу в одном из государственных журналов — Пясецкий с повязкой со свастикой. То есть он был довоенным польским фашистом. И вот довоенный польский фашист, шовинист пристроился к польским коммунистическим властям³⁸. Вот, кстати, по поводу специфики ПАКСа и этих националистических организаций один человек из посольства нас инструктировал. Я упомянул здесь профессора Якубовского. Он тоже скатился в национализм, был близок к националистическому крылу ПОРП. И вел свою специфическую линию в университете. Меня там уже, конечно, в то время не было, я уже упорхнул в родную страну. Позже в честь него была названа одна зала, аудитория в Варшавском университете, что уже говорит о влиянии этого человека. А после 1989 года перестала в честь него называться. Сейчас я уже забыл, кто претендовал из националистов на место Гомулки, но его приструнили из Москвы, и после этого националисты в ПОРП уже отошли на второй план, перестали играть такую видную роль.

А. С. Это был Мечислав Мочар³⁹. С ним связаны гонения 1968 года на евреев. В результате которых страну покинули многие интеллектуалы,

³⁷ Правильно: Болеслав Пясецкий (*Boleslaw Piasecki*) (1915–1979). Происходил из старинного шляхетского рода. В 1947 г. основал и долгие годы возглавлял организацию мирян-католиков ПАКС, которая использовалась коммунистами для снижения влияния католической церкви в Польше. Был депутатом сейма, а в 1970-е годы членом Госсовета ПНР.

³⁸ Вместе с тем Пясецкий был активным участником польского антигитлеровского подполья в составе Армии Крайовой. Согласно распространенной в Польше версии, склонился к активному сотрудничеству с коммунистами после ареста органами НКВД осенью 1944 г. (по сути, был завербован).

³⁹ Мечислав Мочар (*Mieczysław Moczar*) (1913–1986) был в 1964–1968 гг. министром внутренних дел ПНР, а в 1968–1971 гг. секретарем ЦК ПОРП, курировавшим карательные органы. Член Политбюро ЦК ПОРП в 1970–1971 и 1980–1981 гг. В 1960-е годы возглавлял в руководстве ПОРП так называемую фракцию «партизан», отличавшуюся националистической и антисемитской направленностью.

включая Колаковского. А всего, по некоторым данным, уехало до 20 тысяч евреев.

А. Л. В межвоенной Польше был, как вы знаете, поощряемый сверху антисемитизм — и особенно после смерти Пилсудского. Дело доходило до того, что студентов-евреев Варшавского университета одно время сажали на отдельных скамьях в аудитории, не вместе с поляками — одно из уродливых проявлений этой политики «оздоровления нации» (санации). Но это не распространялось на элитную профессуру. И во время моей учебы тоже. Но позже это уже было.

А. С. Уехав в 1962 году из Польши, вы в следующий раз попали туда уже аспирантом?

А. Л. Нет, аспирантом как раз не ездил. Приехал уже тогда, когда по окончании аспирантуры меня взяли в 1966-м в Институт славяноведения. Мы работали над двухтомной «Историей польской литературы». Она вышла в 1968–1969 годах.

А. С. Решили сразу поступать в аспирантуру?

А. Л. Поначалу в своих мыслях я не готовил себя к научной деятельности. Я думал, что снова вернусь в журналистику, это что-то такое более живое. Но я настолько проникся вот этой культурой, историей, менталитетом соседней нации, что эта привязанность стала уже как бы частью меня самого.

А. С. Вы окончили Варшавский университет. К вам был у нас интерес как к филологу-полонисту.

А. Л. Так что меня сманили. Через Елену Захаровну, которая, кстати, видела, что я пишу совсем не в духе нашей методологии, по-другому. И мыслю иначе. И не была поначалу уверена, что моя диссертация пройдет. С другой стороны, понимала, что в Варшавском университете я получил не только широту знаний, но и самостоятельность мышления. Так что мне будет легче осваивать то, к чему и в нашей науке уже подошли. Елена Захаровна дала мне карт-бланш, не вторгалась, я свободно писал свою работу. Помню ее наставления как педагога: трактуйте как хотите, Саша, но защищаться будете сами.

А. С. О чем была ваша кандидатская диссертация?

А. Л. О возникновении польского просветительского романа.

А. С. Как прошла защита?

А. Л. Н.И. Кравцова⁴⁰ вы уже, наверное, не застали. Он тоже прошел через гонения. Был выслан, кажется, в Воронеж во время репрессий против славистов. Он вспомнил свою молодость, а он был старейшим тогда на ка-

⁴⁰ Николай Иванович Кравцов (1906–1980) — литературовед и фольклорист. Югославист. Профессор МГУ. Работал также в Институте славяноведения АН СССР. В 1934–1938 гг. отбывал пятилетний лагерный срок по «делу славистов».

федре, и он так горячо защищал меня с позиций старой нашей славистики, и я ему многим обязан, потому что против него уже не могли пойти.

А. С. *А как сложилось, что вы пришли в Институт славяноведения?*

А. Л. Началась работа над «Историей польской литературы» и нужен был раздел по Просвещению. А знания о польской литературе не уходили у нас глубже начала XIX века. По XVIII веку и более ранним не было специалистов. Польскую литературу более раннюю плохо знали, и могло сложиться впечатление, что ее и не было. Но в «Истории польской литературы» хотели как можно больше всего охватить и стали поглядывать на XVIII век, которым никто не занимался. Е.З. Цыбенко предложила меня. Я сделал. Обсуждение в отделе. Я с энтузиазмом все изложил, и некоторые старшие товарищи хотели несколько приструнить сосунка. Елена Захаровна это ожидала, снова говорит: что ж, защищайтесь. Выступали, в общем, все положительно, но с резкой критикой отдельных положений, отдельных утверждений. Но они не знали этих текстов, а я знал их, читал. И я так отвечал исходя из текстов, а не просто абстрактных методологических построений, они это адекватно восприняли, улыбались и, более того, в конце концов одобрили. Им понравилось. И вот после этого они взяли меня, когда я еще был аспирантом. И потом я написал еще ряд глав. Всего пять глав я написал для этого труда. Одна из них — по Ц. Норвиду⁴¹. Это младший современник Мицкевича, опередил свое время, не был понят, его стали только в начале XX века открывать. В редколлегии захотели, чтобы в «Истории польской литературы» на русском языке была глава, посвященная Норvidу. Без этого было уже нельзя. Ко мне подходит Илья Соломонович Миллер⁴². Он был историк, но при этом великолепно знал литературу, культуру Польши. Вообще широко мыслящий человек. К тому же он был единственным доктором наук в редколлегии «Истории польской литературы», хотя он был доктором исторических наук, а не филологических. Он подошел ко мне: мы подумали на редколлегии и решили, что вы единственный у нас человек, кто может написать о Норvide: вы учились в Польше, знаете отношение к нему там. Никаких указаний, как писать, не было. Доверие к молодому ученому. Норvida я знал только в пределах польской университетской программы. Я им все это объяснил. Я прекрасно понимал, что я единственный человек, который может это написать, в силу своего образования, исходя из знания польских трактовок. Я молодой, но был уже своим в коллективе, написал ряд разделов. Сказал: постараюсь. Но поставил два условия. Во-первых, я сам должен одобрить то, что написал. Если сам решу, что глава слабая — не представлю ее на обсуждение.

⁴¹ Циприан Камил Норвид (*Cyprian Kamil Norwid*) (1821–1883) — один из крупных польских поэтов XIX в. Большую часть жизни провел в изгнании.

⁴² Илья Соломонович Миллер (1919–1978) — ведущий отечественный историк-пололист, долгие годы возглавлял в Институте славяноведения и балканистики АН СССР сектор, занимавшийся проблемами новой истории Средней Европы.

Второе — если у меня не получится, то не писать мне, что я не выполнил план. Тогда с этим было строже. И кроме того, если они одобряют — просил послать мою главу в Польшу, показать польским литературоведам. Они согласились. Из Польши пришел очень положительный отзыв от серьезных ученых из академического института литературных исследований. Глава о Норвиде сыграла в моей научной карьере большую роль, она оказалась моей визитной карточкой для поляков, они увидели, кто я, как я пишу, что могу. И когда в 1969 году впервые надолго приехал в этот институт, они принимали меня как своего, хотя там были люди намного старше меня, участники Варшавского восстания.

А надо сказать, что в московских библиотеках даже не было собрания сочинений Норвида на польском языке. Я читал его во время поездки в Вильнюс. А в Польше не было еще ни одной монографии о нем, сами поляки обсуждали его место в польской литературе, были дискуссии. А теперь он ставится у них в один ряд с Мицкевичем.

О поездке в Вильнюс хочу сказать особо. Это был 1967 год. Когда я включился в нашу институтскую тематику, мне предложили поработать и в советских архивах, там, где имеются польские фонды — это Львов и Вильнюс. Я выбрал Вильнюс. Я знал о сильном украинском национализме во Львове, причем я ведь собирался заниматься там Польшей, будучи русским. А вы понимаете, что в их восприятии это два противоположных полюса — Россия и Польша. Приезжает русский человек, да еще собирает материал о Польше, с чего бы это. Я приехал в Литву, где нас тоже не очень любили, как вы знаете. Помню, как одна немолодая дама в шляпке даже не повернула голову, когда я спросил ее, где находится гостиница, где я должен был поселиться. И позже приходилось сталкиваться в Литве с таким отношением к русским.

А. С. 1940 год был у многих еще в памяти, как у поляков 1939 год и все, что происходило во время войны.

А. Л. Сначала и со стороны литовских коллег испытал к себе некоторую настороженность, но потом, ближе познакомившись со мной, устроили полуофициальную встречу, и я нашел там общий язык с литовскими коллегами, отношение было более дружеским. Почему? Во-первых, я очень любил литовские фильмы того времени («Никто не хотел умирать» и т.д.), это феномен в кино, как и польская школа кино, возникшая в конце 50-х гг. А во-вторых, я увидел там научное мышление, стоящее вне идеологии. Им было интересно, как у нас воспринимают Речь Посполитую XVI–XVII веков, какие существуют оценки. Они следили за нашими публикациями, задавали мне вопросы.

Признаюсь, что было время, когда я даже подумывал уйти из Института, ведь меня сначала зачислили на ставку научно-технического сотрудника, материально я не выдерживал, подрабатывал, подумывал вернуться в журналистику. Но эти главы для «Истории польской литературы», ко-

торые были одобрены, получили хороший отзыв, убедили меня остаться. Для меня всегда были важны профессиональные отношения в коллективе. И И.С. Миллер, и Б.Ф. Стахеев⁴³ относились ко мне уже как к своему, как к специалисту, несмотря на мою молодость. Хотя они участники войны, люди другого поколения. Все это было важно для меня. И все мои последующие работы были написаны человеком внутренне свободным, я никогда не писал того, во что не верю. Я не стыжусь ни одной своей статьи.

А. С. Таким образом, вы приехали в Польшу в длительную командировку в 1969-м. О событиях 1968 года что-то узнали? Ведь и в Варшавском университете, вашей alma mater, были студенческие волнения весной 1968-го — довольно бурные. Национальный театр. Постановка «Дзядов» Мицкевича. Потом сняли. Молодежь недовольна.

А. Л. Я многое знал обо всем этом от свидетелей тех событий. Там не обходилось и без провокаций. Я был тогда в Польше более полугода. Некоторые мои новые приятели в знак протеста перешли в Институт литературных исследований из университета после тех событий.

А. С. Часть профессоров эмигрировала в 1968 г.

А. Л. Гонения были по пятому пункту.

А. С. Израиль как раз победил арабов в «шестидневной войне» 1967 года. Это сильно подстегнуло польских антисемитов при власти.

А. Л. Ну да, это была целая такая волна, многие уехали... Просто не могли работать в Польше. Мы уже говорили о националистическом крыле в ПОРП. Но потом это улеглось и ограничения касались только прямых оппонентов социализма. Все же другие имели возможность нормально работать. Атмосфера в этом смысле была гораздо либеральнее, чем тогда у нас. Форма в литературе и искусстве для польских властей не имела значения.

Когда я был в Польше долго в 1969 году, о тех, кто уехал, говорили в высшей степени уважительно люди, с которыми я общался. Коллеги были со мной довольно откровенны. Так что ситуация в этом смысле была непростой. Начали даже возвращать некоторых студентов, которых выгнали в 1968-м — отправили на военную службу или просто исключили. Я знал одного из таких студентов, которого восстановили и разрешили закончить университет. Во власти иногда понимали, что перегнули палку.

А. С. Рабочие волнения в декабре 1970-го в Гданьске. Расстрел демонстрации, жертвы, после чего Гомулка был вынужден уйти. Поляки позже рассказывали вам что-то об этом?

А. Л. Мы говорили, конечно, и об этом. Это тоже элемент польской ментальности. Когда не хватает чего-то, к чему привыкли — быстро проявляются протестные настроения.

⁴³ Стахеев Борис Федорович (1924–1993) — литературовед-полонист, крупный исследователь польского романтизма.

А. С. У вас складывалось впечатление, что в обществе накапливается разочарование и может снова рвануть?

В. Федорова. Вот в этой же связи у меня тоже вопрос: что произошло с польским обществом в 1970-е? Я могу судить прежде всего по литературе и кино. Там начинают сниматься дико депрессивные фильмы.

А. Л. Это отражало реальную жизнь тогдашней Польши. И по кино видно, как люди жили. Все эти социальные проблемы... А главное — отсутствие перспектив. Важно заметить: это понимала не только интеллигенция. У меня в Польше были широкие связи вплоть до деревни. Мои старые друзья студенческих времен приглашали меня, я бывал и в польской глубинке. Видел все социальные слои. Кто-то преуспевал, занимаясь частным предпринимательством. Во мне видели человека нормально мыслящего, а не какого-то советского идеолога, охотно общались со мной, делились впечатлениями. Так что главное — отсутствие перспектив для всех слоев населения.

Я помню Польшу конца 1970-х годов, канун событий 1980 года. Как-то еду в трамвае, а там вклеена листовка и написано от руки что-то полудетским почерком, то есть это ученики школы писали. Мне говорили, что даже школьники выпускали свои подпольные издания и распространяли свои листовки. То есть это все было распространено в Польше не только повсеместно, но даже вот до такой степени: вовлекались и подростки. Власти не верили никому уже. Слежка. После встречи с другом возвращаюсь как-то после 12 ночи немного навеселе к себе в гостиницу ZNP (*Związek Nauczycielstwa Polskiego*), где я жил. Трамваи уже не ходили, пешком, вниз к Висле. И вот ходили тройками. Каждый шаг буквально — либо переодетые, либо в мундирах, но тройками, милиционеры. Я помню это, мне надо было забежать во двор, выхожу — уже стоит, ждет меня: Документы!

А. С. Ха! Молодцы! Знали свои обязанности.

А. Л. «Что вы здесь делаете?» — «А вы что, не видели?» Показываю свой молоткасто-серпастый. Ведет меня — вижу, в проеме стоит милицкий ГАЗик, а наверху у него еще пеленгатор. Думаю — сейчас упакуют меня в этот ГАЗик и повезут. Выходит офицер, тот передает ему паспорт. Спрашивают у меня еще *karta pobytu*, то есть гостиничную регистрацию. Я ее обычно и не таскал повсюду с собой, а тут случайно оказалась. Лишь после этого отпустили, хотя до гостиницы была буквально пара шагов. То есть боялись даже наших советских людей — судя по тому, что их проверяли. Я уже потом здесь в Москве узнал, что была, оказывается, подписана договоренность: мы следили за поляками, которые здесь, а они следили за нашими. Возможно, они подумали, что я зашел в подворотню для того, чтобы наклеить там какую-то листовку.

А. С. Скорее всего. У вас наверно много было знакомых из университетско-академической среды, которые проявляли политическую актив-

ность в событиях 1980–1981 годов? Кого-то даже, может быть, интернировали после введения военного положения после 13-го декабря 81 года.

А. Л. В числе активных был даже Стефан Жулкевский⁴⁴. Это был коммунист старой закалки, марксист. Критик, редактор газет, одно время даже был министром культуры⁴⁵. То есть не будет преувеличением его даже партийным деятелем назвать. Много старше меня, конечно. Преподавал и в университете, когда я там учился. Работал и в Институте литературных исследований. Приезжал нередко в Советский Союз.

А. С. *Насколько я знаю, с В.А. Хоревым⁴⁶ много общался, который что-то писал про него.*

А. Л. Но когда начались события, он вышел на демонстрацию вместе со студентами и защищал их от полиции, когда их били палками. Его, естественно, тоже загребли, потом, конечно, выпустили. Были среди моих знакомых те, кто сидел по политическим делам. Позже власти постепенно стали смягчать репрессии.

А. С. *Нельзя было не считаться с настроениями. Численность независимого профсоюза «Солидарность» достигла в 1981-м 10 миллионов. Александр Владимирович, вы и учились в Польше, и неоднократно приезжали позже, подолгу жили. Видели, как меняется страна, обстановка в стране. Было ли для вас неожиданным, что так рванет в 1980 году? Такая волна забастовок, ситуация выходит из-под контроля властей.*

А. Л. Действительно, Польша менялась на моих глазах, и не только в политическом плане. Как человек со стороны и приезжающий периодически, я, может быть, даже в большей степени, чем сами поляки, осознавал все эти перемены. Что вполне естественно. Я помню студенческие годы. Как мы предпочитали тогда отдыхать? Путешествовали с рюкзаками. Пешком. Выбирая такие места страны, где было много исторических и архитектурных памятников. Мы все были гуманитарии, понятно, что нас интересовало именно это. Но мы увидели страну. В глубинке в селах увидели и настоящую бедность, могу долго это описывать.

А. С. *Но видели и позже пустые прилавки уже в период чрезвычайного положения.*

А. Л. Это уже финал, об этом еще скажу. Но я видел и как менялась Польша, как строились каменные, кирпичные дома по централизованному плану, в них переселялись люди, могли вести в новых условиях домашнее

⁴⁴ Стефан Жулкевский (*Stefan Żółkiewski*) (1911–1991) — польский литературовед, критик, партийно-государственный функционер.

⁴⁵ Стефан Жулкевский был министром по делам высшего образования в 1956–1959 гг.

⁴⁶ Хорев Виктор Александрович (1932–2012) — ведущий отечественный литературовед-полонист. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Зам. директора Института славяноведения и балканистики АН СССР, затем Института славяноведения РАН в 1988–2005 гг.

хозяйство. Купить из продуктов можно было все, что угодно. Я видел это изменение крестьянской жизни в лучшую сторону. Еще и потому, что крестьян не загоняли в колхозы, как у нас. Пытались вначале, но люди не пошли, эта программа провалилась, и к ней уже не возвращались. И не отнимали приусадебные участки, как это сделал у нас Хрущев, обещавший, что живущее поколение увидит последнего попа, а к 1980-му году построят коммунизм.

А. С. Хотя как раз именно 1980 год показал, что в Польше-то уж точно никакого коммунизма никогда не будет.

А. Л. Мы это помним.

А. С. Что касается аграрной политики коммунистов в Польше, мы помним, что особая политика была на воссоединенных землях, опустевших, доставшихся от Германии. Там создавались госхозы.

А. Л. Причем вся техника старых юнкерских хозяйств осталась после ухода немцев, не успели вывезти ни при быстром наступлении Красной Армии в 1945-м, ни позже, при массовом выселении немцев в Германию сразу после войны. Мне рассказывали, что даже теплую еду кое-где находили на плитах, немцы не успели всё с собой забрать. На эти земли переселялись поляки с восточных земель, бывшего Великого княжества Литовского.

А. С. Тех, что вошли в состав СССР в 1939 году и остались у СССР по итогам Второй мировой войны.

А. Л. Вы знаете, что там была масса поляков. Эти люди очень много пережили после прихода Красной Армии в сентябре 1939 года. Вспомните фильм Анджея Вайды «Катынь», сцены, как люди бегут на Восток после нападения немцев, еще не зная, что ждет их там на Востоке. Массовые депортации в Сибирь, Казахстан. Впрочем, не только поляков, но всех граждан Польши независимо от национальности. Давали час на сборы, позволяли взять с собой не больше чемодана на человека и переселяли людей на поезде в далекие края. Это особенно коснулось интеллигенции, священнослужителей. Знаю из рассказов тех, кто все это пережил. Люди попали в очень тяжелые условия, многие жили в землянках, которые сами вырыли. При том, что интеллигенция, как мы знаем, мало приспособлена к такого рода работам. Массовая смертность. Хотя крестьяне, туда попадавшие, объединялись в коммуны, чтобы как-то общими усилиями выжить. Моя подруга, полька родом из Львова, которую переселили с родителями в глухую сибирскую деревню, вспоминала, как их выручило то, что взяли швейную машинку — им посоветовал это сделать, кстати, простой русский солдат, пришедший оповестить о депортации. И мать там обшивала всю деревню, им платили продуктами, и они могли на этом жить. Массовые выселения людей с западных земель, вошедших в состав СССР, продолжались и позже. Наша коллега Л.Н. Будагова⁴⁷, которая училась в МГУ

⁴⁷ Будагова Людмила Норайровна (1932–2022) — литературовед-славист, специалист по чешской литературе. Доктор филологических наук. Возглавляла отдел славянских литератур в Институте славяноведения РАН.

в начале 1950-х, вспоминает, как депортировали целую группу студентов-литовцев, присланных учиться в Москву и живших в общежитии на Стромынке. Как? Куда? Никто не знал, люди в одну ночь вдруг исчезли из общежития. Знали лишь, что в самой Литве в то время было неспокойно. Все это нашло отражение и в художественной литературе, и в кино. Вспоминаю еще историю одной знакомой мне польской интеллигентской семьи. Родители одной моей подруги, ровесницы. Причем отец по происхождению был белорус, великолепно знал литературный русский язык. Но это не помогло им избежать депортации. Их вывезли куда-то в Восточную Сибирь, вторая девчонка у них родилась уже там. И вот его арестовывают даже там, в восточносибирской деревне, и отправляют в лагерь. Мать осталась одна с двумя совсем маленькими девчонками. Чем она занималась? А ведь в тех краях свою интеллигенцию репрессировали, высылали вместе с так называемыми «кулаками» и всеми, кого объявляли социально чуждым элементом. Иногда из-за слишком длинного языка, что называется. И вот ее мать, полька, выжила там и выходила девчонок, поскольку как образованная женщина с хорошим знанием русского языка могла работать счетоводом в тепле. Отца же им вернули уже после смерти Сталина. В середине 50-х семья вернулась в Польшу. Русофобии никакой у них не было. Обе девчонки окончили университет по специальности «русская филология». Но они проводили четкую грань между русским и советским, между советской властью с ее чиновниками и русской культурой. Как многие польские интеллигенты. Есть националисты, шовинисты, как и у нас, но это не всеобщее явление. Что касается отношения польской интеллигенции к России, хочу вспомнить вот что. Мы здесь внимательно следили, надо сказать, за польской литературой. Вы помните магазин «Дружба», книги из социалистических стран, польский отдел был там самым представительным. А в Польше я искал советские книги — те, которые трудно было найти здесь. И у поляков был к ним интерес, надо сказать. Был специальный магазин советской книги в Варшаве. Рядом с Саксонским садом. И вот в 1969 году я купил там двухтомник Булгакова — я не мог этого сделать в Москве. Купил, расположился на скамеечке, читаю, идет поляк лет под тридцать, видит по обложке, что это книги не польские. Подходит, увидел, что это, и на польском спрашивает меня, где я это купил. Он думал, что я поляк: откуда там русский в центре Варшавы сидит на скамеечке? Узнал от меня и побежал. И кстати, уже после 1989 года Булгаков, по опросам, выходил в Польше на первое место как самый популярный иностранный писатель. Поэтому, говоря о русофобии в той же Польше, надо помнить, что политическая система — это одно, а культура — другое. И потом, для меня было важно, как именно ко мне относились.

А. С. Но давайте вернемся к разговору о предпосылках событий начала 1980-х.

А. Л. Так вот, мы говорили о жизни крестьян-частников в Польше. Мало того, что их не загоняли в колхозы, в 1960-е, при правлении Гомулки, их стали активно обеспечивать техникой через МТС (машинно-тракторные станции), они были и у нас долгое время, но обслуживали колхозы, а не частника. Частник сохранился и в городе, одно из моих первых впечатлений по приезду в Варшаву в 1950-е годы — множество частных продуктовых магазинчиков, чего не было в то время в СССР. Поэтому у меня двойственное отношение к периоду Народной Польши. Судьбы польского крестьянства сложились в Польше иначе, чем у нас. Большого голода не было даже во время оккупации — немцы с присущей им педантичностью и рациональностью знали, сколько можно взять от крестьянина, чтобы не нарушились поставки продовольствия. Другое дело, что они очень строго контролировали торговлю, стараясь не допустить крестьянской спекуляции. О том, что польские крестьяне обрекались немецкими порядками на германизацию, утрату национальной идентичности, а евреи вообще уничтожались, я сейчас не говорю. Хотя многое помню из рассказов моих польских друзей, переживших войну. Не только из литературы. Помню, сколь сильные были антинемецкие комплексы у людей, переживших эти немецкие порядки (*Ordnung*) — не только зверства, но желание всех поставить в строй. В том числе и у тех стариков, которые учились в немецких школах — в том же Торуне, входившем в германскую Польшу до Первой мировой войны. Так вот при этом массового голода в то время не было. Не было в Польше массового голода и в самые тяжелые годы после войны. Не было и карточной системы в послевоенные годы — в отличие не только от СССР, но и от многих стран. Крестьяне снабжали города продовольствием. Поляки не знали, что такое нехватка продуктов. Не знали благодаря частному сектору. Но ближе к концу 1970-х, к введению военного положения, что-то стало меняться в общественных настроениях — конечно, в связи с проводимой политикой. Ведь решали всё в Москве, а не на местах — имея в виду как Польшу, так и другие страны социалистического содружества. Идеология требовала формирования рабочего класса, в том числе в странах, где на первом плане всегда было сельское хозяйство.

А. С. *Курс на индустриализацию. Строились крупные заводы. В том числе и в Польше — Катовице, Нова-Хута⁴⁸ и т.д.*

А. Л. По сути, шло копирование советской модели развития, при наставлениях из Москвы. Кроме того, Москва диктовала и внешние экономические связи. Производимая в Польше продукция шла в больших объемах в страны Африки, этим странам оказывалась и финансовая помощь. Как, впрочем, и некоторым западным компартиям в рамках мирового коммунистического движения. Все это сказывалось на налогообложении. Это следо-

⁴⁸ В Катовице (Верхняя Силезия) был создан в эпоху коммунизма крупный металлургический комбинат, а другой — в Нова-Хуте, в окрестностях Кракова.

вало бы изучить на архивных документах, уже открытых, но у меня сложилось впечатление, что многие поляки связывали ухудшение с поставками продовольствия с тем, что продукты шли в Советский Союз.

А. С. *Все, конечно, было сложнее.*

А. Л. Я тоже так думаю. Но проблема отношения к СССР и его политике проецировалась на старое, традиционное отношение к русским. Россия и СССР в массовом сознании отождествлялись. Все это накладывало отпечаток на общественное недовольство, которое в полной мере проявилось в начале 1980-х.

А. С. *Резкое падение материального уровня, обострение социальных проблем.*

А. Л. Это было особенно в период военного положения, в начале 1980-х. Знаете, от одной из командировок в этот период я отказался, не поехал в Польшу.

А. С. *А почему? Интересно же быть свидетелем таких исторических событий.*

А. Л. Я ожидал, что введут войска в Польшу. Используют силу, как это было и в ГДР в 1953 году, и в Венгрии в 1956 году, и в Чехословакии в 1968 году. И я считал неудобным быть в это время в Польше. Как будто я в это время приехал в Польшу на танке, вместе с Советской Армией. Как все было? Не просто. Меня вдруг вызывают в военкомат. Когда я учился в Варшавском университете, я не проходил военной подготовки, не мог как иностранец. И тем не менее накануне введения военного положения 13 декабря 1981 года мне приходит вызов. Мобилизационный листок. Это было еще в ноябре.

В. Ф. *А как вы считаете, Ярузельский спас тогда Польшу, введя своими руками военное положение?*

А. Л. Не знаю, это все очень сложно.

А. С. *Это он пытается показать, что он спас. На самом же деле в Москве тогда, слава Богу, хватило ума понять, что не надо применять силовых акций в Польше, это может плохо кончиться. В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) сохранились записи заседаний с высказываниями Андропова и других. Исследователи это используют⁴⁹.*

А. Л. Так вот, меня вызывали в военкомат, пришел запрос и в Институт, который должен был дать полную информацию обо мне. За дела, связанные с военкоматом, в нашем Институте отвечал хороший коллега В. Зайцев. Через некоторое время он сказал мне, что меня не призовут. В военкомат пришли какие-то указания.

⁴⁹ См., например: Черемушкин П.Г. Ярузельский: испытание Россией. Изд. 2-е, расшир. и дополн. М.: АИРО-XXI, 2021.

А. С. Вас, наверное, поначалу хотели использовать как переводчика.

А. Л. А что еще? Может быть, в какой-нибудь штаб. У меня ведь не было и нет никакой военной специальности. Но важно иметь в виду, что я был беспартийным, это тоже могло сыграть свою роль. Не каждого и в переводчики возьмут. Короче, всё спустили на тормозах. А через несколько лет, уже в годы горбачевской перестройки, на одной конференции в польском культурном центре я разговорился в кулуарах с одним известным, опытным диссидентом, рассказал ему свою историю и он просветил меня: вы не подходили по своему статусу, и вас в любом случае бы не взяли. Я тоже так думаю: ездить как переводчик с делегациями беспартийного не могли тогда взять. Но возвращаясь к тому, что происходило в Польше... Когда я вспомнил про эти листовки, написанные мальчишками, я понял, что если ввести наши войска, будет мясорубка. Восстали бы все.

А. С. Вот то, что мы имеем сейчас в другой стране. А тогда поняли, что плохо кончится. В Афганистане завязли, не хватало еще и Польши.

А. Л. И военные люди поняли. Маршал Куликов⁵⁰.

А. С. Понимали и в Политбюро. Сохранились записи заседаний. Даже те, кто в 1968 году с пеной у рта призывал вводить войска в Чехословакию, в 1981-м поняли, что с Польшей этот номер не пройдет.

А. Л. Да. А то, что там все рухнуло со временем — это было, как мне кажется, прежде всего результатом того, что рушилось у нас. Что мы не могли поддержать, хотя до сих пор мы поддерживали. А власть имущие там верили, что они держатся на советских штыках.

А. С. Рухнуло потому, что у нас начались изменения, связанные с Горбачевым. Они подтолкнули и изменения в Польше.

А. Л. Когда Горбачев заявил полякам: решайте сами свои проблемы, режим рухнул в считанные дни. Те, кто правил страной, поняли, что Советский Союз уже не будет вводить войска, а в своих войсках они не были уверены.

А. С. Мы плавно перешли к событиям конца 1980-х. После отмены военного положения вы стали регулярно ездить.

А. Л. Меня стали приглашать и лекции читать там. Еще мой дедушка говорил, что этот строй противоестественный, и особенно с точки зрения экономики. Но ощущения, что это все так быстро рухнет, не было даже в середине 1980-х, оно возникло к концу 1980-х.

А. С. Конец 1980-х. В польской экономике большие трудности, одно время даже карточная система. И, конечно, острая политическая борьба. Июнь 1989-го. Первые свободные выборы. Коммунисты оказываются в меньшинстве.

⁵⁰ Маршал Советского Союза Виктор Георгиевич Куликов (1921–2013) был в 1977–1989 гг. главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского договора.

А. Л. В сенате их вообще почти не осталось. Об их присутствии в семье в определенном количестве пришлось договариваться.

В. Ф. *И круглый стол конца 1980-х, интересно, что вы думаете об этом. В обществе все это широко обсуждалось.*

А. Л. С каждым годом выходили наружу всё новые проблемы. А обратиться за круглым столом — это тоже было в духе национальной традиции и отражало польский характер ментальности. И опять-таки очень важно, что в Польше не было таких чисток, как у нас. А значит, и такой раздавленности общества. Был сохранен генофонд нации. Это проявилось и в 1980-е. Я хочу сказать, что в Польше было мудрое политическое руководство в то время. Скажу больше, даже в свои студенческие годы, учась в Польше, я обратил внимание на более высокий культурный уровень партийных работников в сравнении с Советским Союзом. Это было видно и по тому, как они работают с интеллигенцией, с молодежью, с церковниками. Я думаю, это объясняется тем, что у нас интеллигенция, поддерживавшая партию, была уничтожена в результате сталинских чисток. В Польше все-таки такого рода террор длился недолго, я не говорю о масштабах — масштаб террора надо сопоставлять с масштабом самой страны. Но партия все же сохранила часть своей интеллигенции. А ведь в партию шла интеллигенция. Лозунги социализма были для многих привлекательны.

А. С. *Это все так. Но это если говорить о генерации Гомулки, условно говоря. А при строительстве социализма, видя это разительное противоречие между лозунгами и их воплощением, интеллигенция уже все меньше шла в партию. Наступило разочарование, мы об этом уже говорили. А кто-нибудь из ваших польских друзей был политически активен? В ту или иную сторону?*

А. Л. Я бы сказал: в иную — нет. И вообще, что считать политической активностью... Надо помнить, что я общался с людьми из нормально мыслящих интеллигентских кругов. Это были люди из Академии наук, университетов. Там были люди, принадлежащие разным партиям, политическим силам. А были и те, кто стоял как бы над политикой, над партийностью. Но это были люди, стоящие вне системы действующей власти.

А. С. *Начало 1990-х годов. Советский Союз перестал существовать, но довольно быстро восстановились культурные, научные связи с Польшей, связи с польскими гуманитариями. В том числе на уровне институций.*

А. Л. Да они и не прерывались.

А. С. *Вы много ездили, участвовали с польскими коллегами в совместных проектах, потом, с начала 1990-х, и преподавать стали очень активно, общаться с молодежью. Где вы преподавали?*

А. Л. В Торунь — на родине Коперника. В Варшаве, Кракове. Были и выездные лекции по приглашению в университеты других городов. Помню, как в Лодзи студенты пригласили после лекции на открытие выставки,

посвященной Солженицину. Преподавать выезжал на семь месяцев, иногда на пять как *visiting professor*.

А. С. *Какие курсы читали? Польская литература и культура эпохи Просвещения? Польско-русские культурные связи?*

А. Л. Да, и даже шире. У меня были циклы лекций — «Россия и Польша: история общая и раздельная». В рамках этой проблематики, исходя из аудитории, ее уровня, я говорил и о политическом устройстве России и Польши — в связи с культурой и национальной ментальностью. Это нашло отражение и в моей книге, которая вышла на польском языке, я и писал ее по-польски: «Россия и Польша: конфронтация и гравитация»⁵¹. То есть я преподавал прежде всего историю. Именно польские историки меня рекомендовали в академики Польской академии наук и искусств в Кракове. Это не официальная академия наук, созданная по образцу нашей, это другая, старая академия, коммунистические власти ее в свое время закрыли, а потом она возродилась, и там совсем другая система. Они внимательно следят, какие книги по гуманитарным наукам имеют хождение и привлекают внимание, в том числе книги иностранных авторов по проблемам Польши. Так вот, меня рекомендовали историки, и только позже к ним присоединились литературоведы. Меня избрали в эту Академию в 2005 году. Что их заинтересовало в моих трудах? История культуры в контексте русско-польских отношений. Культуры в широком смысле слова. И прежде всего, насколько польская культура имела хождение в России, в русских землях, в XVI–XVII веках и в Новое время, оказывала влияние на развитие русской культуры и *vice versa*. Плюс специфика ментальности в каждой из стран. А это было связано и с характером государственной системы — в Польше система была республиканской, шляхетская республика, тогда как у нас самодержавие, разница принципиальная. Меня занимал вопрос: в какой мере эта польская культура, польская государственная традиция проникала в русские земли, что перенималось, а непосредственные связи западных русских земель с польскими существовали со времен династических браков раннего средневековья. Так вот, речь идет о взаимоотношениях русских и поляков во всем их многообразии, о взаимопонимании и взаимонепонимании.

А. С. *Одна из книг, изданных под вашей редакцией, так и называется: «Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание» (2000 год). Я опубликовал в свое время рецензию на нее.*

А. Л. Я организовал междисциплинарную конференцию, которая под таким названием прошла в РГГУ. По истории культуры в широком смысле слова, включая и литературу, и искусство, и проблемы религии и т.д. И вышел сборник, который мы составили вместе с профессором РГГУ

⁵¹ Rosja i Polska: konfrontacja i grawitacja: historia, kultura, literatura, polityka. Toruń: Adam Marszałek, 2003.

И.О. Шайтановым. Вспоминаю в этой связи и встречу видных представителей русской и польской интеллигенции, которая прошла в стенах РГГУ в начале 1990-х. Там была очень интересная, свободная дискуссия.

А. С. *Было несколько таких проектов по истории русско-польских культурных связей, имагологии. Некоторыми руководил В.А. Хорев. В общем, ни один из них не обходился без вашего участия.*

А. Л. Да, без моего участия не обходилось.

А. С. *Это видно и из обширного списка ваших научных трудов. Александр Владимирович, при том, что Польша небольшая по нашим меркам страна, но вы ведь изъездили всю Польшу и видели региональные различия — часть Польши была под Германией, часть под Россией, часть под Австро-Венгрией. Они сохранились до сих пор?*

А. Л. Конечно. А у нас? Есть сибиряки, уральцы и т.д.

А. С. *У нас просторы другие.*

А. Л. Региональные различия в Польше сохранились и в говоре. Масса немецких словечек до сих пор живет. В молодости я мог иногда слышать, как люди старшего поколения в некоторых местах Польши говорят между собой по-немецки. Есть разница в ментальности. Поляки, жившие под немцами, более рациональны. А поляки, чьи предки жили в Царстве Польском, учились в России, — больше похожи на нас, они и сами это признают. Более непосредственные, пьющие и т.д. Различные привычки, традиции.

А. С. *Хотя, с другой стороны, в Польше происходили столь значительные внутренние миграции после войны, переселения на западные земли и т.д., что все могло перемешаться.*

А. Л. И тем не менее различия сохранялись. И сейчас они ощущаются, пусть в меньшей степени. В Кракове, в австрийской части Польши, я видел в ресторане — висит портрет Иосифа II, австрийского императора конца XVIII века. В русской части Польши разве можно себе представить портрет Николая II в ресторане? Вот этот пиетет в отношении Габсбургской империи сохранился — поляки там присутствовали в сенате и т.д.

А. С. *Министром иностранных дел Австро-Венгрии даже был Голуховский⁵², поляки были представлены в имперской элите. У Галиции вообще особый статус был. Она имела автономию.*

А. Л. Там имел самоуправление польский университет, польские гимназии. Так что это была совсем особая часть Польши. Конечно, там жили не только поляки, но и другие славяне тоже — русины, то есть украинцы.

А. С. *Да, но поляки были реально интегрированы в габсбургскую элиту.*

А. Л. В Германской империи, в прусской части Польши не было ничего подобного. Так что к немцам в Польше совсем иное отношение, чем к ав-

⁵² Польский граф Агенор Голуховский (1849–1921) был министром иностранных дел Австро-Венгрии в 1895–1906 гг.

стрийцам. Антинемецкие комплексы передавались из поколения в поколение. Но сейчас они у молодежи ослабевают с вхождением Польши в ЕЭС — тесные экономические связи с Германией, поездки. И даже более старшие поколения в этом плане смягчились.

А. С. Гомулка был выраженным германофобом до конца жизни. Это видно по многим документам. Его даже Москва в этом плане иногда сдерживала, настолько велико у него было недоверие к немцам. Любым.

А. Л. Полякам достаточно было оккупацию пройти, чтобы стать германофобами. Но после 1989 года многое изменилось. Свободный переход границы, поляки ездят на заработки.

А. С. А немцы вкладывают деньги в польские проекты.

А. Л. Когда ксенофобия уходит — это нормально и естественно. Хочу подчеркнуть еще раз в заключение нашей беседы. Шовинизм — любой — мне глубоко чужд. Таково и мое домашнее воспитание, и влияние большой литературы.

Список основных трудов Александра Владимировича Липатова

Монографии

- Возникновение польского просветительского романа: проблемы национального и общеевропейского. М.: Наука, 1974.
- Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье, Возрождение, Барокко. М.: Наука, 1977.
- Литература в кругу шляхетской демократии: Позднее Барокко, Просвещение, Предромантизм. М.: Наука, 1993.
- Słowiańszczyzna — Polska — Rosja: studia o literaturze i kulturze. Izabelin: Świat Literacki, 1999.
- Rosja i Polska: konfrontacja i grawitacja: historia, kultura, literatura, polityka. Toruń: Adam Marszałek, 2003.
- Rosja dzisiejsza: między przeszłością a teraźniejszością. Toruń: Adam Marszałek, 2007.

Прочие публикации

- Славянское Просвещение в общеевропейском контексте // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное Возрождение / редкол.: И.А. Богданова, С.В. Никольский, Б.Ф. Стахеев. М.: Наука, 1982. С. 106–121.

- Проблемы общей истории славянских литератур от Средневековья до середины XIX в.: (европейский контекст, типологическая дифференциация и национальная специфика, формирование основ современного развития) // Славянские литературы в процессе становления и развития: От древности до середины XIX в. / отв. ред. А.В. Липатов. М.: Наука, 1987. С. 5–83.
- Начала польской предромантической прозы XVIII в. (Эволюция художественного мышления и внутрижанровые изменения в контексте национального и общеевропейского литературного процесса) // Развитие прозаических жанров в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы / редкол.: И.И. Калиганов, А.П. Соловьева, Б.Ф. Стахеев. М.: Наука, 1991. С. 58–84.
- Исторический роман: общие закономерности и национальная специфика (русско-польские типологические параллели XVIII – середины XIX века) // Славяноведение. 1993. № 3. С. 19–33.
- Славянская общность: историческая реальность и идеологический миф // Павел-Йозеф Шафарик: (к 200-летию со дня рождения) / отв. ред. Л. Н. Смирнов. М.: Институт славяноведения и балканистики, Научный центр общеславянских исследований (ЦЕСЛАВ), 1995. С. 86–101.
- История европейской литературы и славянские литературные общности (Диалектика национального и универсального) // Славяноведение. 1997. № 1. С. 54–59.
- Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. М.: Индрик, 2000. (*Один из составителей, автор статей «Мицкевич и Пушкин: образ на фоне историографии и историософии» (С. 85–99.), «Россия и Польша: “домашний спор” славян или противостояние менталитетов» (С. 17–29))*).
- От «ублюдка Версальского договора» до «братской страны соцлагеря» (государственное искусство и исторические стереотипы) // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 2000. С. 117–133.
- Пушкин и Мицкевич: личная дружба или творческое содружество? (к проблеме литературоведческой мифологии) // А.С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рождения поэта) / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 112–131.
- Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (государство и гражданское общество) // Россия — Польша: образы и стереотипы в литературе и культуре / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 2002. С. 134–155.
- Цивилизационный излом // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 22–36.
- Теоретические проблемы общей истории славянских литератур (Цивилизационная общность как диалектическое единство универсального и национального) // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов (Москва, 23–24 октября 2003 г.) / отв. ред. В.К. Волков. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 216–222.
- Универсальное и национальное: двуединство процесса формирования этнических языков и культур в цивилизационном пространстве Европы // Глобали-

- зация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. В двух книгах / отв. ред. Г.П. Нецименко. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 113–139.
- Историческое раздвоение польской культуры: инволюция сарматизма и эволюция европеизма // Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура: сборник статей / отв. ред. В.А. Хорев, М.В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 83–93.
- История и современность: к вопросу о национальных путях возвращения в многонациональную Европу // Поэтический мир славянства. Общие тенденции и творческие индивидуальности / отв. ред. С.В. Никольский. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 12–24.
- Европейская цивилизация как дифференцированная целостность: (Запад и славяне) // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 6. С. 14–20. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2007-6-14-20>
- Пушкин и Мицкевич: два типа проекции европеизма // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Наука, 2007. С. 108–117.
- Россия в глазах славянского мира / отв. ред. А.В. Липатов. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. (*Ответственный редактор, автор раздела «Две проекции национального восприятия: Польша глазами Пушкина — Россия глазами Мицкевича» (С. 79–109)*).
- В кругу вопросов польского понимания России // Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: новые источники, новые взгляды / отв. ред. М. Волос, А. Орехов. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 39–54.
- Культуры Руси, России, Украины и Белоруссии в их отношениях с Польшей: от Средневековья до начала XVIII в. (опыт цивилизационного рассмотрения) // Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 25–67.
- Н.В. Гоголь и славянские литературы / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Индрик, 2012. (*Член редакционной коллегии, автор статьи «Универсальное и национальное (казус Гоголя)» (С. 25–43)*).
- Чеслав Милош: от катастрофизма Второго авангарда к послевоенной «Родной Европе» // Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда. Тезисы научной конференции 13 ноября 2012 г. / редкол.: Л.Н. Будагова, Н.В. Шведова. М.: ИСл РАН, 2012. С. 23–25.
- Специфика польского восприятия высокой русской культуры и казус Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян. Тезисы и материалы международной научной конференции, 5–6 ноября 2013 г. / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: ИСл РАН, 2013. С. 47–53.
- Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А.В. Липатов, Ю.А. Созина. М.: Центр книги Рудомино, 2014. (*Один из редакторов сборника, автор статьи «Историко-цивилизационный фактор инонационального восприятия (на примере польского отношения к русскости)» (С. 50–66)*).
- Российско-польская история: и общая, и разделенная // Россия и Польша. История общая и разобщенная / под ред. Е.И. Пивовара, О.В. Павленко. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 78–90.

- Польша в русском восприятии // Вестник Европы. 2015. Т. XLII–XLIII. С. 313–321.
- Kędy do nas? W poszukiwaniu dróg wzajemnego zrozumienia Polaków i Rosjan // Politeja. 2016. Vol. 12. № 34/2. S. 247–260.
- Идея войны и цивилизационный излом // Вестник Европы. 2016. Т. XLIV–XLV. С. 157–164.
- Rosyjskość i polskość w świetle cywilizacyjnej aksjologii europeizmu // Studia Środkoeuropejskie i Balkanistyczne. 2016. Т. XXIV. S. 7–14. <https://doi.org/10.4467/2543733XSSB.16.001.6243>
- Europeizm: punkt wyjścia w poszukiwaniu porozumienia Polaków i Rosjan // Nauka w Polsce i Rosji. Miejsca wspólne i miejsca różne (obszar humanistyki) / red. M. Dąbrowska, P. Głuszkowski. Warszawa: Inst. Ruscystyki Univ. Warszawskiego, 2016. S. 95–104.
- Окцидентализм и антиокцидентализм в росийской тождественности исторической // Res Gestae. 2016. Vol. 2. S. 5–17.
- Европейская общность: в кругу поисков национального взаимопонимания (Русские и поляки) // Актуальные этнокультурные проблемы современности / отв. ред. Г.П. Нешименко. М.: ЯСК, 2017. С. 169–184.
- Чеслав Милош: от авангарда к классичности // Сражения и связи в программах и практике славянского литературного авангарда / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: ИСл РАН, 2018. С. 201–228.
- Современная славистика и перспективы изучения русско-польской проблематики // Славянский сборник: язык, литература, культура / отв. ред. И.Е. Аманьева, О.А. Остапчук, Е.И. Якушкина. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 362–369.
- Trzy Rosje Mickiewicza // Adam Mickiewicz i Rosjanie / red. M. Dąbrowska, P. Głuszkowski, Z. Kaźmierczak. Warszawa: Scholar, 2019. S. 17–26.
- Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. ред. Ю.А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. (*Член редакционной коллегии, автор статьи «Перевод: связующее звено национальных составляющих общеевропейской культуры (К проблематике двуединства универсального и локального)» (С. 24–68)*).
- Культурно-историческая дифференциация славянства и общеевропейские факторы развития славянских литератур // Межславянские культурные связи: результаты и перспективы исследований / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 19–30. <https://doi.org/10.31168/0452-7>